

ОКТАВИЙ

1

Я думал об Октавии, добром и верном своем друге. Перебирая свои воспоминания, я почувствовал, какая нежная любовь к этому человеку живет во мне. [2] Я словно вернулся в прошлое, а не просто вызвал в памяти то, что ушло и исчезло. Образ его, пусть я не вижу его глазами, живет в самых глубинах моего существа. [3] Понятно, почему этот исключительный, благородный человек, уйдя, оставил такую неутолимую тоску по себе: он и сам всегда горячо любил меня; в заботах и в серьезных делах желания наши совпадали; мы и хотели одного и того же и от одного и того же отказывались¹; ты подумал бы, что в двух людях живет одна душа. [4] Только он знал о моих любовных увлечениях; он разделял мои заблуждения; когда же этот туман рассеялся и я вынырнул из глубин мрака на свет истины и мудрости², то он не пренебрег мной, как спутником, хотя уже обогнал меня — тем больше ему славы. [5] Мысли мои вращались вокруг всей нашей совместной жизни и дружбы; с особенным вниманием остановился я на той его речи, сильные доводы которой обратили к истинной вере Цецилия, тогда еще крепко державшегося пустого язычества.

2

Он приехал в Рим по делам и ради свидания со мной¹; оставил дом, жену, детей, особенно дорогих в этом невинном возрасте, когда они только пытаются что-то сказать: их лепет еще сластнее от этих ломаных слов, на которых спотыкается язык! [2] Я не могу выразить, каким неудержимым ликованием исполнил его приезд мою душу: моя радость еще увеличилась от того, что самый дорогой для меня человек оказался со мной так неожиданно. [3] Дня через два почти постоянное пребывание вместе утोलило наши изголодавшиеся сердца: мы узнали взаимно, что за время нашей разлуки случилось с каждым и было нам неизвестно. И нам захотелось отправиться в Остию², прелестный городок, где я охотно и с пользой лечился морскими купаниями, иссушавшими в моем теле излишние соки. Кроме того, праздник виноградного сбора дал мне передохнуть от судейских забот³. Как раз в это время после летних дней приходит осень с ее умеренной погодой. [4] Итак, на рассвете мы отправились к морю, желая прогуляться по берегу; ветерок легким дыханием оживлял наши члены, и так приятно было чувствовать, как оседает под ногой песок, уступая легкому нажиму ноги. Цецилий, заметив изображение Сераписа⁴, поднес руку ко рту и послал ему поцелуй⁵, как это обычно делает суеверная толпа.

3

Тогда Октавий сказал: «Брат Марк, хорошему человеку не годится покидать в слепоте простонародного неведения человека, который делит твою жизнь, и домашнюю и общественную¹. И ты терпишь, чтобы он среди бела дня спотыкался о камни, хотя и отделанные в виде статуй, умащенные и увенчанные²? Ты же знаешь, что это заблуждение позорит тебя не меньше, чем его!»

[2] Пока он говорил это, мы прошли уже через центр города и оказались на открытом берегу. [3] Волны медленно накатывали на его песчаную

кромку, выглаживая песок, словно в аллее для прогулок. Море никогда, даже в безветрие, не бывает спокойно; оно не заливало берег седыми, пенистыми валами, и мы любовались непрерывно набегающей волнистой грядой с курчавой пеной. Мы стояли у самой воды, и она то обдавала ноги, ударяясь о них, то откатывалась назад, возвращаясь обратно. [4] Медленно и спокойно подвигались мы вперед, иля по краю мягко изгибавшегося берега и за разговором не замечая пути. Разговор вел Октавий: он рассказывал о своем морском путешествии. [5] Беседуя, мы оставили за собой довольно большое пространство и, повернув, пошли по той же самой дороге. Дойдя до того места, где вытасненные на сушу суденышки покоились в защиту от земляной сырости на дубовых подставках, мы увидели мальчиков, которые с увлечением состязались, кидая в море камешки. [6] Игра эта состоит в том, чтобы, подобрав на берегу круглый, выглаженный морским волнением камешек, присесть на корточки, наклониться вперед и, держа камешек в горизонтальном положении, бросить его изо всей силы так, чтобы он либо несся, кружась, над самой поверхностью воды, постепенно опускаясь все ниже, либо показывался над верхушками гребней, все время подпрыгивая вверх. Среди мальчиков тот считается победителем, чей камешек пролетит дальше и чаще выскакивает из воды³.

4

Все мы наслаждались этим зрелищем; один Цецилий ни на что не обращал внимания и не смеялся над состязанием. Он молчал, был встревожен, держался в стороне, и по лицу его было видно, что его что-то печалит. [2] «В чем дело? — обратился я к нему. — Почему не вижу я обычной твоей живости и не нахожу в глазах того веселого огонька, который бывает в них и за серьезным делом?»

[3] «Меня мучат и не дают покоя слова нашего Октавия; он обрушился на тебя, браня за твою небрежность, чтобы прикровенно, и тем еще сильнее, изобличить меня в невежестве. [4] Я этого так не оставлю: целиком, заново надо мне все обсудить с Октавием¹. Если дозволено рассуждать с ним мне, человеку совсем иного образа мыслей, то он сразу поймет, что рассуждать в дружеском кругу легче, чем вести философский спор. [5] Только сядем на этой каменной дамбе, защищающей бани и выдающейся в открытое море, чтобы можно было и отдохнуть с дороги и больше внимания уделить спору».

[6] Мы уселись по его словам, причем меня посадили посередине, уважительно прикрыв собой с обеих сторон: этим мне не оказывали особого внимания или почета² — дружба всегда рождается между равными или равными их делает, — а чтобы я, как посредник, преклонил свое ухо к обоим сторонам, находясь с ними в непосредственной близости и, сидя в середине, разделял обоих спорщиков.

5

Цецилий начал так: «У тебя, дорогой Марк, нет никаких сомнений в том, до чего мы сейчас доискиваемся: ты ведь хорошо ознакомился и с одной жизнью и с другой; одну ты отверг, другую целиком одобрил. Сейчас, однако, тебе надо так настроить свою душу, чтобы держать весы, как самому справедливому судье, не наклоняя их из пристрастия ни в одну сторону: да не покажется, что решение свое ты принял не в силу наших доводов, а вынес его по голосу чувства. [2] Итак, если ты председательствуешь, как человек для меня новый, как незнакомый с обеими сторонами, то мне не составит никакого труда показать, что всякое знание, касающееся человека, сомнительно, неверно, лишено основания, скорее правдоподобно, чем истинно¹. [3] Тем удивительнее, что некоторые люди, наскучив пылким исканием истины, безрассудно поддаются под власть любых взысканий вместо того, чтобы прилежно упорствовать в своих изысканиях.

[4] Итак, всем следует возмущаться и скорбеть, что люди, при этом невежественные, без всякого образования, ничего не смыслящие в самом ничтожном, осмеливаются высказывать твердое суждение о самом важном и великом, о чем в течение стольких столетий, вплоть до нашего дня, спорят даже философы многих школ. [5] Это понятно: человек по своей ограниченности не может проникнуть в дела Божества; нам не дано знать, не позволено доискиваться, да и неблагоприятно догадываться ни о том, что находится над нами, высоко в небе, ни о том, что погружено в подземные глубины. Мы справедливо можем считать себя достаточно счастливыми и разумными, если, повинаясь знаменитому изречению древнего мудреца, ближе узнаем себя самих². [6] Поскольку, однако, уступая нездоровому и глупому стремлению, мы выходим за пределы своего ничтожества и, брошенные на землю, дерзостно и жадно стремимся подняться выше неба и звезд, то не будем, по крайней мере, опутывать это блуждание наше представлениями пустыми и пугающими.

[7] Допустим, что семена всего сгустились, так как вначале природа сама оплодотворила себя: кто здесь Бог — Творец? Допустим, что все соединилось от случайной встречи мировых частей, упорядочилось и получило свой облик; какой бог был устроителем? Пусть огонь зажег светила, пусть по свойствам своего вещества небо повисло над нами, земля в силу собственной тяжести осела вниз, море образовалось из натекающей влаги: откуда взятая благочестию, откуда страху, откуда суеверию?

[8] Человек и всякое животное, которое рождается, дышит и растет, представляет собой как бы произвольное сочетание элементов, на которые и человек и всякое животное вновь разделяется, разрушается и рассыпается: так все течет обратно к источнику и, совершив круговорот, возвращается в себя же: нет ни мастера, ни судьи, ни создателя. [9] Собираются семена огня — и вспыхивают новые и новые солнца; земля выдыхает испарения, они становятся плотнее и превращаются в туман, который, сгустившись в виде облаков, поднимается вверх. Если они опускаются, льют дожди, дуют ветры, стучит град. Тучи столкнулись — и вот начинает греметь гром, вспыхивают яркие зарницы, сверкают молнии. Они падают куда придется, проникают в горы, попадают в деревья; ударяют, не разбирая, в места святые и неосвященные, убивают людей преступных и часто благочестивых. [10] Говорить ли о разных непредвиденных бурях, которые беспорядочно и бессмысленно опрокидывают обычное течение жизни? При кораблекрушении судьба добрых и злых одинакова, безразлична к заслугам их; при пожаре гибель приходит на правых и виноватых; когда чумная зараза поражает целую область, то умирают все без разбора; в свирепом разгаре войны падают как раз лучшие. [11] В мирное время негодяи не только на равном положении с хорошими людьми, но их даже уважают, так что в большинстве случаев не знаешь, ненавидеть ли их порочность, или желать себе их благополучия. [12] Если бы миром управляли Провидение и Божественная воля, то никогда Фаларид и Дионисий не заслужили бы царства, Рутилий и Камилл — никогда ссылки, Сократ — никогда яду³. [13] Вот деревья, покрытые плодами, вот уже побелевшая жатва, вот налившийся пьяным соком виноград: их портит ливнем, бьет градом. Неведомая нам истина от нас или скрыта и спрятана, или — что вероятнее — судьба, свободная от законов, царит в многообразной и неверной смене случайностей.

6

Итак, и власть судьбы несомненна, и природа нам неведома. Поэтому насколько благочестивее и лучше, чтобы служители истины твердо держались предковских уставов, соблюдали завещанную религию, чтити богов, бояться которых, а не узнавать ближе учили тебя родители; лучше не рассуждать о существовании богов, а верить предкам, которые в первобытные

времена, при самом возникновении мира, удостоились иметь богов друзьями и царями! Поэтому-то по всему государству жители провинций и городов имеют свои особые богослужения и почитают своих, родных богов: элевсинцы — Цереру, фригийцы — Матерь, эпидаврийцы — Эскулапа, халдеи — Бела, Астарту — сирийцы, Диану — таврии, галлы — Меркурия¹ и всех — римляне².

[2] Они и подчинили весь мир своей власти и своему влиянию, и простерли свое государство от пределов, куда не доходит солнце, и за грань самого океана, потому что на войне они мужественны и богобоязненны, потому что город свой они укрепили благоговейным богослужением, целомудрием чистых дев³, достоинством множества почитаемых жрецов. Осажденные, потеряв всё, кроме одного Капитолия, они чтут богов, от которых за их гнев другой народ уже отвернулся бы; они проходят через строй галлов, удивляющихся этой смелой вере, безоружные, но вооруженные благочестием⁴. Только что захватив неприятельский город, среди разгула свирепой победы, они уже склоняются перед побежденными божествами, отовсюду приглашают чужих богов и делают их своими, воздвигают алтари даже неведомым богам и манам. [3] Принимая святыни всех народов, они заслуженно получили их царства. И благочестие их пребывает навеки неизменным: долгое время не сломало его, а увеличило; чем древнее их обряды и храмы, тем они священнее.

7

И не напрасно (я решусь, пожалуй, пока что присоединиться к ним и лучше уже делить их заблуждения) предки наши так усердно следили за полетом птиц, вопрошали внутренности¹, устанавливали священнодействия и строили святилища. [2] Посмотри, о чем помнит история: ты застанешь, как они приобщаются ко всем религиям с их обрядами, затем ли, чтобы отблагодарить божество за его милосердие, затем ли, чтобы отвратить нависший гнев или умиловать уже разразившийся и свирепствующий. [3] Свидетельствует о том Идейская Матерь, которая, прибыв, подтвердила, что целомудренна женщина, и освободила город от страха перед врагами; свидетельствуют священные статуи двух братьев-наездников, изображенных так, как явились они у озера: запыхавшись, на взмыленных, запаренных лошадях, возвестили они победу над Персеем в тот самый день, когда они ее одержали; свидетельствует повторение игр, потребованное через сновидение одного плебея оскорбленным Юпитером²; свидетельствует благосклонно принятое самопожертвование Дециев; свидетельствует и Курций, который заровнял глубину зияющей бездны своей лошадью и собственным телом, вернее, честной своей жертвой³.

[4] Чаше даже, чем мы хотели бы, пренебрежение ауспициями свидетельствовало о присутствии богов: Аллия — «зловещее имя», Клавдий и Юний, которые не сразились с пунийцами, а только загубили флот; Фламиний презрел ukazания авгуров — и Тразименское озеро вздулось и помутнело от римской крови; нам приходится отбирать у парфян свои знамена, потому что Красс насмеялся над зловещими угрозами, которые заслужил⁴. [5] Я пропускаю старинные рассказы (их много), оставляю в стороне стихи поэтов о рождении богов, их дарах и милостях: прохожу мимо предсказаний оракулов: да не покажется вам, что древность слишком сказочна. Обрати внимание на храмы и святилища богов, которые охраняют и украшают Рим; они освящены скорее присутствием божественных насельников, родных и пришлых, а не убранством и роскошными приношениями. [6] И прорицатели до такой степени исполнены божеством и соединены с ним, что видят будущее, подают защиту в опасностях, исцеление в болезнях, надежду в печалях, помощь в несчастьях, утешение в бедствиях, в страданиях облегчение⁵. Даже во сне мы видим, слышим и узнаём богов, которых днем кощунственно отрицаем и не желаем знать, чьим именем ложно клянемся.

8

Итак, все народы в нерушимом согласии верят в существование бессмертных богов, хотя ни природа их, ни происхождение неизвестны. Мне невыносим человек, столь дерзкий, до того надутый какой-то безбожной премудростью, что он силится разрушить или подорвать эту веру, столь древнюю, столь полезную, столь спасительную. [2] Пусть это будет сам Феодор Киренец или его предшественник Диогор Мелосец¹, которому древность присвоила прозвище «безбожного»; оба они, утверждая, что нет никаких богов, уничтожили почитание их и страх божий, который руководит человечеством. Их нечестивое учение, прикрытое именем и авторитетом мнимой философии, никогда не имело силы и влияния.

[3] Когда афиняне изгнали из своих пределов Протагора из Абдера², скорее рассуждавшего о божестве, а не кощунствовавшего, и в народном собрании сожгли его сочинения, то как не сокрушаться, что люди — потерпите, что в защите своего дела я дам волю запальчивости — люди, говорю я, из жалкой, запрещенной, отчаявшейся шайки идут на богов? [4] Собрав подонки невежественного простонародия и легковерных женщин, оступающихся по легкомыслию своего пола, создают они заговор безбожников, объединяемых — не для богослужения, а для преступлений — ночными сборищами, постами, праздниками и ужасной пищей. Это — порода, прячущаяся по вертепам и бегающая света, немая в обществе и болтливая по углам. Они отворачиваются от храмов, словно от мест для сжигания трупов, отплевываются от изображений богов, смеются над святынями, жалеют, жалкие, — возможно ли? — наших жрецов; пренебрегают почестями и пурпуром³ — они, оборванцы! [5] Какая изумительная глупость и невероятная наглость! Страшась неизвестного и будущего, они ни во что ставят пытки в настоящем, и, боясь умереть после смерти, живые умереть не боятся — до такой степени лживая надежда, утешающая воскресением, уничтожила в них ужас перед смертью.

9

Развращенность дает пышные всходы, со дня на день расплозается злонаравие, и по всему миру размножаются мерзкие святилища этого безбожного сообщества. Вырвать это, наконец, с корнем, предать проклятию! [2] Члены его узнают своих по тайным меткам и знакам и любят друг друга еще до знакомства. У них какое-то сменение религии и разврата: они без разбора называют себя братьями и сестрами, так что самый обычный блуд от привхождения этого священного имени становится уже кровосмешением. В своем пустом и безумном суеверии они похваляются преступлениями. [3] Не будь здесь в основе правды, чуткая молва не наговорила бы о них таких ужасов и такого, что и рассказать неловко. Я слышу, они в силу какого-то глупого верования почитают голову самого жалкого животного — осла¹; религия, достойная таких нравов и порожденная ими! [4] Другие говорят, что они поклоняются детородным частям своего предстателя и жреца² и чтут его тайные органы, считая его как бы самим отцом. Не знаю, может быть это и неправда, но тайные ночные службы естественно вызывают такие подозрения. Те, кто рассказывает, что они молятся человеку, наказанному за преступление самой страшной казнью, и его кресту, уделяют потерянному и преступникам алтарь, им подобающий: пусть чтут то, чего заслуживают!

[5] Рассказ о посвящении новообращенных вызывает ужас: он широко известен. Перед тем, кого они приобщают к своим таинствам, кладут ребенка; он весь засыпан зерном, и неопиту предлагают наносить по зерну удары, будто бы невинные; ребенок гибнет от полученных вслепую ран. Эту кровь — о, злодеяние! — они жадно лижут, эти члены наперебой рвут, этой жертвой скрепляют свой союз³; сознание общего преступления — порука взаимного молчания. Такое богослужение гнуснее всякого богохульства.

[6] Пиршества их также известны: о них говорят все и повсюду, они засвидетельствованы даже речью нашего земляка из Цирты. В праздник они сходятся на обед с детьми, сестрами и матерями — тут люди всякого пола и всякого возраста. После многочисленных кушаний, когда пиршество уже в разгаре и пьяные застольники пылают жаром кровосмесительной похоти, собаке, привязанной к подсвечнику, бросают лепешку за черту, до которой она может дотянуться, и тем самым заставляя ее стремительно прыгнуть. [7] Свет — изобличитель опрокинут и погашен; в бесстыдных потемках сплетаются они в бесстыдной похоти по воле случая; если не делом, то мыслью все они одинаково повинны в кровосмешении, ибо желанием все стремятся к тому, что может случиться с кем-нибудь из них¹.

10

Многое я сознательно пропускаю, слишком много и этого. Что все это целиком или в значительной части верно, это подтверждается таинственностью их извращенной религии. [2] Зачем они так старательно скрывают и прячут предмет своего почитания, каков бы он ни был? Все доброе радуется известности; прячутся преступления. Почему у них нет никаких алтарей, никаких храмов, никаких известных изображений? Не потому ли никогда не говорят они открыто, никогда свободно не собираются, что их тайная вера заслуживает наказания или навлекает позор?

[3] Откуда взялся, кто он и где находится их Бог, особенный, одинокий, покинутый, Которого не знал ни один свободный народ, ни одно царство и даже римляне с их благочестием? [4] Только жалкое иудейское племя чтит единого Бога, но открыто, но в храмах, при алтарях, жертвами и службами. И Бог Этот до такой степени слаб и бессилен, что вместе со Своим народом оказался в плену у римлян.

[5] А какие чудовищные выдумки сочиняют христиане! Этот их Бог, Которого они не могут ни видеть, ни показать, тщательно вникает в поступки и нравы всех людей, во все их слова и даже тайные помышления. Он, видимо, бегает взад и вперед и всюду находится. Они хотят представить Его надоедливый, беспокойный, даже бесстыдно любопытный, раз Он присутствует при всяком деле и скитается по всем местам; Он не может помочь одному, разрываясь между всеми, и не может удовлетворить всех, будучи занят кем-нибудь одним.

11

Что еще? Всей земле и самой вселенной с ее светилами грозят они пожаром и ожидают их гибели. Нарушится будто бы извечный порядок, установленный по божественным законам природы. Разорвется связь между всеми стихиями, небесные скрепы разойдутся, и эта громада, в которой мы находимся, рухнет¹. [2] Не довольствуясь этим безумным вымыслом, они еще приплетают к нему бабьи рассказы: они, после смерти зола и пепел, по их словам, возродятся; по какому-то легковерию они верят своим выдумкам: можно подумать, что они уже воскресали. [3] Двукратная нелепость и сугубое безумие — возвещать гибель небу и звездам, которые мы оставляем такими же, какими застали, а себе, умершим, сгнившим, которые как родимся, так и погибаем, обещать вечную жизнь!

[4] Понятно, почему они не признают костров и осуждают погребение в огне!² Как будто всякое тело, хотя бы и не отданное пламени, не рассыплется с течением времени в прах. Не все ли равно, разорвут его дикие звери, поглотит море, закроет земля или уничтожит пламя? Всякое погребение для трупа, если он его чувствует, мучительно, а если не чувствует, то в самой быстроте уничтожения есть уже облегчение. [5] Обманутые, заблуждающиеся, они обещают себе, как людям хорошим, блаженную и вечную жизнь после смерти³; остальным, как злодеям, — вечные мучения.

[6] К этому можно много добавить, но я тороплюсь. Злоден именно они, я это разъяснил, и тут я спокоен. Да если бы я и согласился считать

их праведными, то ведь большинство приписывает и преступление и невинность судьбе и вы с этим соглашаетесь, только другие приписывают все наши поступки судьбе, а вы — Богу. Вы хотите для своей общины не людей, пришедших к вам по своей воле, а избранников Божиих; вы придумали несправедливого судью, который наказывает людей за их участь, а не за их волю.

[7] Хотелось бы мне, однако, разузнать: воскреснет человек в теле, и в каком теле, в том же самом или в обновленном? Без тела? Но тогда, насколько я знаю, не будет ни разума, ни души, ни жизни. В том самом теле? Но оно уже давно распалось. В другом теле? Значит, родится новый человек, а не восстановится тот, прежний? [8] Прошло, однако, столько времени, протекли бесчисленные века: вернулся ли из преисподней хоть один человек, хотя бы так, как Протесилай, только на несколько часов⁴, примера ради, чтобы мы поверили? [9] Всё это выдумки больного воображения и бессмысленные утешения, которыми забавляются обманщики — поэты, чтобы придать приятности своим стихам. Вы, люди слишком доверчивые, всё это неуклюже переделали и перенесли на вашего Бога.

12

Вы не извлекаете никаких уроков из вашей теперешней жизни — до такой степени обмануты вы пустыми обещаниями напрасных молитв. По своей жизни, бедняги, поймете, что грозит вам после смерти, [2] вот часть ваших, бóльшая и лучшая, по вашим словам: вы нуждаетесь, мерзнете, трудитесь, голодаете — и Бог ваш это терпит и этого не замечает; Он не хочет или не может помочь Своим — настолько Он бессилен или несправедлив!¹ [3] Тебя, грезящего о бессмертии, сотрясает в тяжкой болезни, ты горишь в лихорадке, терзаешься в болях и всё еще не понимаешь своего положения? Не видишь своей брэнности? Против воли своей, бедняга, избобличен ты в своей слабости, но признаться в ней не хочешь.

[4] Оставляю, впрочем, то, что является общим уделом. Вам же грозят еще наказания, пытки, кресты, на которые вы не будете уже молиться: на них придется взойти; огонь, вами предсказываемый и вам страшный². Где же Этот Бог, Который может помочь ожившим, а живым не может? [5] Разве римляне без вашего Бога не властвуют, не царствуют, не пользуются благами всей земли и не господствуют над вами? А вы пока что не знаете минуты покоя, отказываетесь от честных удовольствий, не посещаете зрелищ, не принимаете участия в праздничных шествиях; на общественных пиршествах вас нет; состязания в честь богов, жертвенные яства и вино, которым совершили возлияния, внушают вам ужас³. Так боитесь вы богов, существование которых отрицаете. [6] Вы не увиваете голову цветами, не достаиваете тело ароматов, благовония вы сохраняете для покойников, в венках отказываете даже могилам: бледные, перепуганные, достойные сострадания, но сострадания наших богов. Так-то, несчастные! Вы и не воскреснете, а пока что и не живете.

[7] Поэтому, если осталась у вас доля разума или скромности, перестаньте шарить по небесным просторам и выведывать тайные судьбы мира; хватит и того, что под ногами, особенно людям необразованным, неотесанным, грубой деревенщине, которой не дано разбираться и в земных делах, а тем более в божественных.

13

Если, впрочем, есть охота философствовать, то пусть тот из вас, кому это по силам, следует Сократу, первому из мудрецов. Известен его всегдашний ответ на вопрос о небесных явлениях: «То, что над нами, нас не касается». [2] Оракул по справедливости засвидетельствовал его исключительную мудрость. Он вполне уразумел этот ответ оракула и оказался

первым из всех не потому, что всё узнал, а потому, что твердо усвоил: он ничего не знает; сознание своего неведения и есть высшая мудрость¹.

[3] Отсюда проистекло и осмотнительное сомнение в вопросах важнейших сначала у Аркесилая, а много спустя у Карнеада и большинства академиков², философствовать в таком роде люди образованные могут безопасно для себя, а образованные — себе во славу. [4] Разве медлительность лирического поэта Симонида³ не заслуживает всеобщего изумления и следования? Когда тиран Гиерон⁴ спросил у него, что, по его мнению, представляют собой боги и каковы они, Симонид попросил себе сначала на размышление один день, на завтра продлил этот срок до двух, затем прибавил еще столько же. Когда, наконец, тиран осведомился о причинах такой отсрочки, он ответил: чем больше задерживается он на своих размышлениях, тем темнее становится для него истина.

[5] По моему мнению, всё, что так сомнительно, как оно и есть, следует оставить в покое; если столько и таких людей рассуждали об этом, то нечего дерзко и необдуманно принимать другие решения; не надо вводить бабьих суеверий и разрушать вконец религиозное чувство.

14

Цецилий кончил и улыбнулся (он успокоил переполнявшее его негодование пространной и пылкой речью). «Что на это осмелится сказать Октавий? Он — человек из Плавтова рода, первый из мельников, последний из философов»¹.

[2] «Погоди, — сказал я, — торжествовать над ним победу; нехорошо восхищаться тебе совершенством своей речи прежде, чем обе стороны полностью не высказались, тем более, что, споря, добиваетесь вы не похвалы, а истины. [3] И хотя речь твоя доставила мне большое удовольствие тонкостью и разнообразием доказательств, но я обеспокоен по причине более глубокой и по поводу не настоящей беседы, а метода всяких обсуждений: в большинстве случаев самую очевидную истину можно пошатнуть сильными и красноречивыми доводами. [4] Хорошо известно, что так и случается по легковерию слушателей, которые, прельстившись словами, отвлекаются от сути дела; соглашаясь без разбора со всем сказанным, они не в состоянии провести границу между ложным и верным; они не знают, что истина бывает невероятной, а ложь правдоподобной. [5] Чем чаще верят они чьим-либо утверждениям, тем постояннее изобличают их люди сведущие. Попадая постоянно впросак по собственному неразумию, они снимают вину с рассудившего, жалуются на недостоверность всего и предпочитают оставить всё висеть в воздухе, лишь бы не думать о том, в чем можно обмануться. [6] Заранее решим поэтому: мы не возненавидим всякое обсуждение, подобно тому, как возненавидело людей неискушенное большинство, злобно проклинаящее весь род человеческий². Неосмотрительных и доверчивых людей обошли те, кого они считали хорошими. И вот они, снова ошибаясь, подозревают всех и боятся, как бесчестных, даже тех, в ком могли бы почувствовать прекрасных людей. [7] Будем стараться, чтобы обе стороны приложили к своему рассуждению всяческое тщание, и так как обычно с одной стороны находится истина, которая прячется, а с другой — удивительное умение уподобить словесное изобилие достоверной и неопровержимой цепи доказательств, то давайте как можно тщательнее взвешивать каждое доказательство, чтобы, воздав хвалу остроумию, иметь возможность выбрать, одобрить и принять то, что действительно правильно».

15

«Ты не выполняешь обязанностей совестливого судьи, — воскликнул Цецилий. — Очень несправедливо с твоей стороны обессиливать мою речь вмешательством в столь важное обсуждение. Октавию предоставлено разбить, если он сможет, поодиночке все мои доводы, пока они никем еще не затронуты и не опровергнуты».

[2] «Ты обвиняешь меня,— сказал я,— в том, что предложено мною, если не ошибаюсь, на общую пользу: старательно рассмотреть и взвесить наш приговор, принимая во внимание не дутое красноречие, а сущность самого вопроса. Не жалуйся, больше отвлекаться не будем: в полном молчании выслушаем ответ нашего Януария, который очень хочет ответить».

16

«Я буду говорить как смогу, по своим силам,— сказал Октавий,— и ты постарайся вместе со мной остановить правдивым словом грязный поток этой едкой ругани. [2] Не скрою: сначала мысли моего Наталия до такой степени блуждали, сбиваясь в сторону, были так неуловимы, что я стал уже сомневаться, не сознательно ли всё у него перепутано, или он действительно заблудился и потерял точку опоры. Он то верит в богов, то начинает сомневаться, чтобы неопределенностью своих положений совсем лишить достоверности наш ответ. Я только не допускаю мысли, что мой Наталий может лукавить: его простосердечие несовместимо с такой изворотливостью. [3] В чем же дело? Человек, не знающий верной дороги, останавливается, неподвижный и растерянный, на развилке, откуда идет множество свертков; он не знает верной дороги и не решается ни выбрать какую-нибудь одну, ни признать все верными. Так и тот, кто не утверджен в истине, переходит от одного сомнения к другому, стóбит появиться какому-нибудь учению, хотя и недостоверному. [4] Не удивительно, если Цецилия кидает в разные стороны волнами противоречий. Чтобы этого больше не было, я опровергну его утверждения, сколь они ни разнообразны, и разобью их, опираясь на одну общепризнанную истину: ему тогда не придется и в остальном сомневаться и колебаться.

[5] Мой брат выходит из себя: он не может вынести, досадует, негодует, скорбит, что люди необразованные, бедняки, невежды рассуждают о божественном. Да будет ему известно, что все люди без различия возраста, пола, звания наделены от рождения разумом и смыслом; мудрость получают не по счастливой случайности: она врождена¹. Сами философы и те, кто вошли в историю как создатели культуры, прежде чем прославиться своими талантами, слыли и мужиками, и оборванцами, и невеждами. Богатые люди настолько опутаны своим богатством, что им привычнее думать о золоте, чем о небе. Наши бедняки обрели путь к истине и передали свое учение другим. Отсюда явствует, что умственные способности не приобретаются богатством и не даются учением; они рождаются одновременно с душой. [6] Нечего поэтому негодовать или скорбеть, если любой простец спрашивает о божественном, думает и говорит о нем: дело ведь не в авторитетности рассуждающего, а в истине самого рассуждения. Больше того, чем безыскусственнее речь, тем яснее ее смысл: она не подкрашена пышным и приятным велеречием, а идет прямо, куда направляет истина.

17

Я не отказываюсь от тех вопросов, которые Цецилий поместил среди важнейших; человек должен знать себя и обдумать, что он такое, откуда появился, зачем. Представляет он собой сгусток элементов, стройное сочетание атомов? А не вернее ли, что Бог сотворил его, создал его облик, одушевил его? [2] Узнать и раскрыть это мы не можем, не вникнув во всю совокупность явлений; всё ведь так соединено, связано и сцеплено, что если ты тщательно не исследуешь сущность Божества, то не поймешь и природы человека. Ты не справишься с государственными делами, если не познакомишься раньше с миром, этим общим для всех государством. Главное ведь наше отличие от диких животных в том, что они, понуро склоненные к земле, на то и созданы, чтобы ничего не видеть, помимо корма; нам же, чье лицо поднято кверху, кому дано взирать на небо, нам даны и речь и разум, через который мы познаём, чувствуем Бога и упо-

добляемся Богу. Нам грешно и недозволено не замечать небесной славы, которая являет себя и нашим глазам и нашим чувствам; искать на земле то, что ты должен найти в вышних, есть кощунство и притом величайшее.

[3] Лишены, по-моему, ума, понимания, да просто не имеют глаз люди, которые считают, что этот мир во всей его красе создан не Божественным разумом, а есть только собрание каких-то случайно соединившихся кусков.

[4] Подними глаза к небу, погляди на всё, что внизу и вокруг: что несомненное, что очевиднее, как не существование некоего Божества, наделенного высочайшим разумом, Которое одушевляет, приводит в движение, дает жизнь всей природе и управляет ею? [5] Посмотри только на небо: как широко оно распростерлось и как быстро вращается; ночью оно изукрашено звездами; днем освещено солнцем! Ты поймешь, в каком Божественном равновесии находится оно по воле высшего Распорядителя. Посмотри, как солнце круговым движением своим определяет год; посмотри, как месяц начинается и идет к концу, следуя за лунными фазами. [6] Говорить ли о неизменном чередовании темноты и света, определяющем смену труда и отдыха? Оставим астрономам странные рассуждения о том, как светила управляют мореплаванием и приводят сроки пахоты и жатвы. Всё это нуждалось в великом мастере и совершенном разуме не только для своего создания, бытия и распорядка; их постичь и почувствовать невозможно без высокого творческого Разума.

[7] В стойком разнообразии сменяются времена года и дары их; разве о своем Создателе и Отце весна не свидетельствует своими цветами, лето — жатвой, осень — прелестью зрелых плодов, зима — столь необходимыми маслинами? Порядок этот легко был нарушился, не будь утверждён вышним Разумом. [8] Сколько промыслительной заботливости в том, чтобы создать не только зиму с ее обжигающим холодом и лето с его иссушающим зноем, но вставить между ними весну и осень с их умеренной погодой, чтобы времена вращающегося года переходили, соскальзывали одно в другое незаметно и не принося вреда.

[9] Обрати внимание на море: оно покорно лежит в берегах; взгляни на деревья: земля дает им жизнь из недр своих; посмотри на океан с его сменяющимися приливами и отливами; взгляни на источники: они текут из непересыхающих водяных жил; посмотри на реки: они идут всегда по издавна проложенному руслу. [10] Говорить ли о том, как кстаи расположены высокие горы, пологие холмы, раскинувшиеся равнины! Говорить ли, как многообразны средства защиты у животных: одни вооружены рогами, у других есть зубы, у этих крепкие копыта, те утыканы колючками; эти живут на свободе благодаря быстрым ногам и крыльям, уносящим их ввысь.

[11] А больше всего о Боге, как о мастере, говорит самая красота нашего облика: прямой рост, лицо, поднятое кверху, глаза, помещенные в голове, как на сторожевой вышке, где размещены, как в кремле, и остальные органы чувств.

18

Перебирать все подробности долго. У человека нет ни единого члена, который не был бы ему необходим и не сообщал ему благообразия. И что еще удивительнее: все они имеют одинаковую форму, но у каждого очерчены по-разному; мы все схожи между собой, но ни один не похож на другого. [2] А рождение человека? Разве жажда воспроизведения не от Бога и не по Его воле вместе с созревaniem плода груди наливаются молоком и нежный отпрыск вырастает на обильной молочной влаге?

[3] Бог заботится не только о вселенной в целом, но и об отдельных ее частях. Британии не хватает солнца, но ей тепло от омывающего ее моря; засуху в Египте умеряет Нил; Евфрат вознаграждает Месопотамию за отсутствие дождей, об Инде говорят, что он дает Востоку и семена и воду.

[4] Если, войдя в какой-нибудь дом, ты увидишь, что всё прибрано, расставлено, благолепно, то, конечно, ты подумаешь, что здесь есть хозяин, который всем распоряжается и который гораздо выше этих хороших вещей. Так и в этом доме, во вселенной. Если ты увидишь в земных и небесных явлениях промыслительный порядок и закон, то поверь: есть Хозяин и Отец всего мира, Который прекраснее самих звезд и целого мира.

[5] Итак, относительно Промысла нет никаких сомнений, но, может быть, ты считаешь нужным узнать, управляется ли Небесное Царство властью одного или волей многих. Ответить на этот вопрос вовсе не трудно: стóит только подумать о земных царствах, которые устраивались, конечно, по примеру Небесного. [6] Когда совместное царствование начиналось с доверия или кончалось без кровопролития? Оставляю в стороне персов, которые по лошадиному ржанию гадают об избраннике на царство¹, и забытую трагедию о фиванских братьях²; история близнецов, споривших о царствовании над пастухами и хижинами их, слишком известна³; война зятя и тещи⁴ охватила весь мир: огромная держава для двоих оказалась тесна.

[7] Посмотри вокруг: один царь у пчел⁵, один вожак в отаре, в стаде один начальник. И ты думаешь, что эта вышняя Власть может быть поделена, что от этой истинной, величественной и Божественной мощи можно что-то отколоть? Ясно ведь, что Бог, Отец всего, не имеет ни начала, ни конца; Он дарует всему бытие, а Сам вечен: до сотворения мира Он был Сам для Себя миром. Всё, что ни есть, Он вызывает к жизни словом, упорядочивает разумом, совершенствует Своей силой.

[8] Его нельзя видеть: Он слишком светел для наших глаз; Его нельзя ни понять, ни определить; Он не в меру нашего разума, бесконечный, неизмеримый и только одному Себе известный таким, каков Он есть. Наша грудь тесна, чтобы понять Его; достойно нас определяем мы Его, называя неопределимым. [9] Я скажу так, как чувствую: тот, кто думает, что он постигает Божественное величие, умаляет Его; кто не хочет умалять, тот признаётся в своем незнании.

[10] Не спрашивай имени Бога: Бог — Его имя. Имена нужны потому, что разобраться в толпе можно, только отметив каждого его собственным названием. Для Бога, Который один, достаточно слова «Бог». Если я назову Его Отцом, ты подумаешь о земном отце; если царем — что Он облечен плотью; если господином, решишь, что Он во всяком случае смертен. Убери лишние имена — и ты узришь Его славу.

[11] И разве не все в этом согласны со мной? Я слышу, как люди, простирая руки к небу, говорят только: «Боже»; «Бог велик»; «Бог истинен»; «если Бог даст». Что это? Обычная речь толпы или исповедание христианина? И те, кто считает владыкой Юпитера, ошибаются в имени, но согласно думают о его единовластии.

19

Я слышу поэтов, которые провозглашают «единого отца богов и людей» и уподобляют разум смертных дню, коему отец всего даровал свет. [2] Разве слова мантуанца Марона¹ не яснее, точнее и правдивее? Он говорит: «Изначально и небо, и землю, и прочие части мира питает живущий в них дух, приводит в движение разлитый в них разум, от которого род людей и животных и вообще все одушевленные существа». Он же в другом месте называет этот дух и разум богом. Вот его слова:

«Землю собой божество проникает,
все морские пространства, а также глубокое небо;
люди и звери им созданы, огонь с дождями он посылает».

А чем мы считаем Бога, как не разумом и духом?

[3] Пересмотри, если угодно, учения философов: ты увидишь, что они, хотя в словах и разных, но по существу единодушно сходятся на этой одной мысли. [4] Я оставляю тех необразованных древних мужей, которые за свои изречения заслужили названия мудрецов. Назовем первым Фалеса милетского²: первый из всех стал он рассуждать о небесном. Этот Фалес милетский объявил началом всего воду, а божеством — тот дух, который всё из воды образовал. Учение о воде и духе так глубоко и возвышенно, что человек сам не мог до него додуматься: оно внушено Богом. Ты видишь, что мысль первого философа находится в полном созвучии с нашей.

[5] После него Анаксимен³, а затем Диоген из Аполлонии учили, что воздух — это бесконечный, неизмеримый бог; и они мыслят о божестве сходно с нами.

[6] У Анаксагора богом называется беспредельный разум, приводящий всё в порядок и движение⁴; у Пифагора бог — это дух, проникающий всю природу, от которой получают жизнь все одушевленные существа⁵. [7] Ксенофан⁶, как известно, называл богом бесконечное Все, наделенное разумом. Антисфен говорил⁷, что у каждого народа своих богов много, но верховный — один; Спевсипп⁸ признавал богом жизненную силу, всем управляющую. [8] А Демокрит⁹? Он первый, правда, выдумал атомы, но чаще всего он ведь называет богом природу, которая творит образы, и разум. Стратон считает богом природу. Даже Эпикур, который сочинил, что богов вовсе нет или что они пребывают в бездействии, ставит над всем природу.

[9] Аристотель¹⁰ думает по-разному, но признаёт верховное владычество единого: иногда разум, иногда мир называет он богом, иногда ставит бога во главе мира. И Феофраст думает по-разному: отдает главенство иногда миру, иногда божественному разуму. Гераклид понтийский, хотя и по-разному, но приписывает миру божественный разум.

[10] Зенон, Хрисипп и Клеанф¹¹, при всем многообразии своих высказываний, неизменно возвращаются к мысли о единстве Промысла. Клеанф называет богом то дух, то душу, то эфир, но чаще всего разум. Зенон, его учитель, считает первопричиной всего то естественный божественный закон, то эфир, а иногда разум. Он же, объясняя, что Юнона — это воздух, Юпитер — небо, Нептун — море, огонь — Вулкан, а остальные боги народной веры суть также элементы, победоносно опроверг всеобщее заблуждение.

[11] Почти то же найдем у Хрисиппа, который считает богом божественную разумную силу в природе и в мире, а иногда роковую необходимость. Вслед за Зеноном он толкует стихи Гесиода и Орфея¹² в смысле естественно-научном. [12] Таково же учение Диогена Вавилонского¹³: в рассказе о рождении Юпитера, появлении на свет Минервы и о прочем в том же роде имеются в виду не боги, а явления природы.

[13] Ксенофонт, ученик Сократа¹⁴, говорит, что увидеть сущность истинного бога нельзя и поэтому не следует о ней допытываться; Аристон-стойк — что ее вообще нельзя понять; оба почувствовали величие бога, отчаявшись его постичь.

[14] Речь Платона о божестве и по содержанию и по изложению еще яснее: она была бы совсем божественна, если бы он иногда не загрязнял ее примесью общепринятых убеждений. У Платона в «Тимее» бог, по самому имени своему, — отец мира, создатель души, творец всего небесного и земного. Его, заявляет Платон в предисловии, и найти трудно: слишком он велик и всемогущ, а найдя, невозможно говорить о нем перед толпой¹⁵.

[15] Это почти совпадает с нашими взглядами: мы и знаем Бога и называем Его Отцом всего и никогда не говорим о Нем перед людьми, если нас не спрашивают.

20

Я изложил мнения почти всех прославленных философов: они признают единого Бога, пусть и обозначают Его разными именами. Можно подумать: или истинные философы сейчас — христиане, или христианами были философы тех времен.

[2] Если в мире есть Промысл и управляется он волей единого Бога, то нам не следует заодно с древними увлекаться глупыми сказками, которые их услаждали и пленяли; они опровергнуты их же философами, на стороне которых авторитет и разума и древности. [3] Предки наши легко вдавались в обман и слепо верили в разных диковинных чудищ: в много-составную Сциллу; многообразную Химеру; в Гидру, возрождающуюся от живительных ран; в кентавров — лошадей, сросшихся со своими всадниками. Что бы ни измыслила молва, они с удовольствием это слушали. [4] А эти бабы сказки о людях: люди превращены в птиц и зверей; из людей возникли деревья и цветы? Совершайся это в прошлом, совершалось бы оно и теперь; так как это не может совершаться, то и не совершается¹.

[5] То же и с богами, в которых наши темные предки, простодушные и доверчивые, неосмотрительно поверили. Благоговейно почитая своих царей, желали видеть их изображения после смерти, стремились запечатлеть их память в статуях — и предметом богопочитания стало то, что было сделано себе в утешение. [6] И, наконец, пока мир не раскрылся для торговых сношений и пока не произошло смещения обычаев и обрядов, каждый народ почитал как достопамятного гражданина: основателя своего государства, славного вождя, целомудренную царицу, превзошедшую свой пол, изобретателя какого-нибудь благодетельного искусства. Так воздавали награду умершим и подавали пример потомству.

21

Прочти писания историков и писания мудрецов: ты узнаешь то же самое. Эвгемер¹ перебирает людей, которых признали богами за их доблесть и благодеяния; он перечисляет дни их рождения, их родину, их могилы, места их деятельности: у Юпитера — Дикте, у Аполлона — Дельфы, Фарос — у Исиды², Элевсин — у Цереры.

[2] Продик³ говорит, что к богам причислили тех, кто нашел в странствиях своих неизвестные злаки и тем принес людям пользу. Так же думает и философ Персей⁴; он добавляет, что одними и теми же именами называются найденные плоды и те, кто их нашел; в комедиях так и говорится: «Венера мерзнет без Либера и Цереры»⁵. [3] Александр Великий, македонянин, написал в знаменитом письме к своей матери, что какой-то жрец в страхе перед его могуществом выдал ему тайну о богах-людях; первым он называет Вулкана, а затем уже род Юпитера; от колосьев Исиды переходит к ласточке, сестру, пустой гробнице твоего Сераписа или Озириса: члены его были ведь разбросаны⁶.

22

Погляди, наконец, на самое их богослужение, на самые мистерии: ты увидишь печальный исход, смерть и погребение, скорбь и причитания о несчастных богах. Исида вместе со своим Киноскефалом и бритыми жрецами, скорбя и причитая, ищет потерянного сына¹, и несчастные почитатели ее бьют себя в грудь, подражая злосчастной матери в ее печали; затем, когда младенец найден, радуется Исида, ликуют жрецы, похваляется Киноскефал, нашедший ребенка — и из года в год не перестают они терять найденное и находить потерянное. Разве не смешно оплакивать то, что чтить, и чтить, что оплакиваешь? Эти священнодействия, некогда египетские, теперь стали римскими.

[2] Церера с зажженными факелами, опоясанная змеей, скитается в

тревоге и тоске, ища похищенную и совращенную Либеру. Вот элевсинские мистерии². [3] А службы в честь Юпитера? Вскармливает его коза; ребенка похищают у голодного отца, чтобы тот его не сожрал; бренчат кимвалы Корибантов, чтобы отец не услышал детского писка³.

[4] О службе Кибеле на Диндими неловко и рассказывать: она, безобразная и старая, как и подобает матери многих богов, не смогла соблазнить своего любимца, на горе себе ей понравившегося, и поэтому оскопила его; пусть евнухом будет и бог. Вот эта сказка и заставляет галлов читать ее, увеча себя и превращаясь в полумужчин. Это не богослужение, а истязание⁴.

[5] А разве самый облик и вид наших богов не в позор им и не в поношение? Вулкан — хромой и увечный бог; Аполлон — безбородый, несмотря на свой возраст; Эскулап — с окладистой бородой, хотя он сын вечно юного Аполлона; зеленоглазый Нептун, сероглазая Минерва, волоокая Гера; у Меркурия — крылья на ногах, у Пана — копыта, у Сатурна — ноги в колодках. У Януса — два лица, как будто он ходит пятью назад; Диана иногда высоко подпоясана как охотница, но в Эфесе у нее множество грудей и сосков; она внушает ужас, представ трехголовой и многорукой Тривией⁵. [6] А сам ваш Юпитер? Его представляют то безбородым, то бородатым; у Юпитера — Аммона есть рога; Капитолийский держит молнии; Латинария обрызгивают кровью; Феретрия видят в камне. Незачем перечислять многочисленных Юпитеров: сколько у него имен, столько есть и чудовищ Юпитеров⁶. [7] Эригона повесилась, чтобы под именем Девы оказаться среди звезд; Касторы, чередуясь, умирают, чтобы жить; Эскулап поражен молнией, чтобы восстать богом; Геркулес, чтобы совлечь с себя человека, сгорает на Эте⁷.

23

Этим лживым сказкам учимся мы от наших непросвещенных родителей — и что еще хуже — в наши школьные годы усердно ими занимаемся, читая преимущественно поэтов, которые уже столько навредили истине своим авторитетом. [2] Прекрасно сделал Платон, изгнав из государства, учрежденного им в своем «Диалоге», знаменитого Гомера, прославленного и увенчанного¹. [3] Именно он, повествуя о Троянской войне, и вмешал, пусть забавляясь, ваших богов в людскую жизнь и деяния, попарно соединял их, поразил Венеру, Марса связал, ранил и обратил в бегство. [4] Про Юпитера он рассказывает, что остальные боги не связали его только потому, что его спас Бриарей; что он оплакал кровавым дождем сына своего Сарпедона, которого не смог вырвать у смерти; что, поддавшись чарам Венераиного пояса, он желал супруги своей Юноны с большим пылом, чем своих любовниц².

[5] Тут Геркулес убирал навоз, там Аполлон пас скот Адмета; Лаомедонту поставил стены Нептун, но платы за свою работу бедный каменщик не получил³. [6] Юпитеру куют на наковальне вместе с оружием для Энея его молнию, хотя небо, молния и гром существовали задолго до рождения Юпитера на Крите⁴. Изготовить же настоящую огненную молнию не мог Циклоп, а Юпитеру нельзя было ее не бояться. [7] Что сказать мне о Марсе и Венере, застигнутых в прелюбодеянии?⁵ О растлении Ганимеда⁶ Юпитером, которое освящено тем, что свершилось на небе. Все это выдуманно для того, чтобы как-то оправдать человеческие пороки.

[8] Такими-то вот выдумками и сладостной ложью развращают умы детей. С этими баснями, прочно усвоенными, дорастают они до полного расцвета сил и, несчастные, с этими же представлениями старятся, хотя истина и выходит на встречу, но для ищущих.

[9] Все писатели, заимавшиеся греческой и римской стариной, объявляли Сатурна, первого в роде и рою богов, человеком. Об этом знают историки Непот и Кассий; об этом говорят Талл и Диодор⁷. [10] Этот Сатурн бежал с Крита в Италию из страха перед своим неистовым сыном,

гостеприимно был принят Янусом и, образованный грек, многое показал грубым селянам: научил писать буквы, чеканить монету, изготавливать орудия. [11] Убежище свое он пожелал назвать Лацием, потому что тут он в безопасности укрылся; под своим именем основал город Сатурнию, Янус же дал имя Яникулу — оба оставили памятные места потомству⁸. [12] Человеком, конечно, был тот, кто спасался бегством; человеком, конечно, был тот, кто скрывался; он — отец человека и человеком рожденный. Его называли «сыном земли и неба», потому что италийцам родители его были неизвестны. И сейчас о людях, неожиданно появившихся, говорят, что они упали с неба, а незнатных и неизвестных мы называем «детьми земли». [13] Его сын Юпитер, по изгнании отца, царствовал на Крите, там он умер, там родил сыновей; до сих пор посещают грот Юпитера и показывают его гробницу; само святилище его указывает на его человеческую природу.

24

Излишне говорить о каждом боге и перебирать весь ряд этих людей-богов: смертная природа, явная в их родоначальниках, переходила в порядке наследования и к потомкам. Вы, может быть, думаете, что богами становятся после смерти? По ложной клятве Прокула богом стал Ромул¹, и Юба² — по воле мавров — бог³; обожествлены и остальные цари, не по вере в их божественное достоинство, а из уважения к их заслугам и власти. [2] Имя это, правда, дается им против воли: они упорно желают оставаться людьми, боятся стать богами и не желают этого даже в старости. [3] Богами не становятся умершие; бог не может умереть; не становятся и родившиеся, ибо всё, что рождается, умирает; божественно то, что не возникло и не исчезнет. Почему, в самом деле, если боги рождались, не рождаются они и сегодня? Юпитер, может быть, состарился, Юнона стала бесплодной, а Минерва поседела, не успев стать матерью? Не потому ли прекратились эти рождения, что исчезло доверие к подобным басням? [4] А потом: если бы боги могли рождать, а умирать не могли, то у нас богов стало бы больше, чем людей; им не хватило бы неба, их не вместил бы воздух, их не снесла бы земля. Ясно, что люди были те, о ком мы читаем, что они родились, и знаем, что они умерли.

[5] Кто же усумнится, что толпа молится их священным изображениям и публично их чтит потому, что невежественные умы обмануты изощренным искусством, одурманены блеском золота: от сверкания серебра и белизны слоновой кости люди слабеют умом.

[6] Если бы кто представил себе, какими орудиями пыток и какими инструментами пользуются, чтобы создать любую статую, то он покраснел бы за свой страх перед материалом, над которым измывается художник, делающий бога. [7] Деревянного бога, может быть, полено из погребального костра или кусок проклятого дерева⁴, подвешивают, обрубают, обтесывают, стругают. Золотого или серебряного отливают из грязной посуды, как это часто делалось для египетского царя, и бьют молотками, придавая форму на наковальне; каменного бога высекают, скоблят, какой-нибудь грязный малый его полирует; и как не чувствует он, в каком позоре рождается, так не чувствует потом и вашего почтительного поклонения⁵.

[8] Может быть, однако, камень, дерево и серебро еще не бог. Когда же он рождается? Вот его отливают, отделяют, выдалбливают — это еще не бог; вот его запаивают, собирают, ставят — это всё еще не бог; вот статую украшают, освящают, ей молятся — наконец, это бог, бог тогда, когда человек захотел увидеть в статуе бога и освятит статую.

[9] Насколько правильнее судят о богах ваших, следуя природе своей, бессловесные животные. Мыши, ласточки, коршуны знают, что эти боги ничего не чувствуют: они ходят по ним, на них садятся, и если бы вы их не отгоняли, они гнездились бы в самом рту вашего бога: пауки заплещут

тают его лицо; паутина свешивается с самой головы его. [10] Вы обтираете его, очищаете, отскабливаете и боитесь тех, кого сами делаете и охраняете; никто из вас не подумает, что прежде, чем чтить бога, надо его знать. Люди с удовольствием, не думая, повинуются родителям; предпочитают делить чужое заблуждение и не доверять себе; не понимают, чего боятся. Освящают не золото и серебро, а корыстолюбие; устанавливают облик статуй, изображающих тех, кого никогда и не было — так и рождается римское суеверие.

[11] Перебери обряды этой религии: сколько тут смешного и даже жалкого! Одни голышом бегают в жестокую зиму; другие выступают в войлочных колпаках, обносят вокруг старые щиты, ударяют в барабаны⁶; нищенствуя, водят богов из улицы в улицу⁷. В некоторые храмы дозволено входить только раз в год; некоторые вообще грешно посещать; есть такие, куда нельзя войти мужчине; в некоторые — нельзя женщинам; присутствовать при некоторых церемониях рабу — преступление, искупаемое жертвой. На одни статуи венки возлагает женщина, имевшая только одного мужа; на другие — имевшая многих; в благочестивом рвении разыскивают такую, которая может насчитать побольше любовников. [12] Что же? Человек совершает возлияния собственной кровью и умиливает бога своими ранами — не лучше ли быть безбожником, чем верить таким образом?⁸ Как оскорбляет бога тот, кто, оскотив себя, думает этим расположить его! Если бы бог хотел внухов, он мог бы создать их сам⁹. [13] Кто не поймет, что все эти безумства проделывают люди пустоголовые и больные и что толпа заблуждающихся держится своим множеством. Обилие безумцев — вот что защищает общее безумие.

25

И однако это самое суеверие создало, взрастило и укрепило Римское государство, ибо римляне были сильны не столько доблестью, сколько религиозностью и благочестием. Римская праведность весьма замечательна и прославлена. Она заявила о себе у самой колыбели только возникшего государства. [2] При самом начале его не собрались ли одни преступники? Не возрастало ли число их потому, что их охранял ужас перед их бесчеловечностью? Первые насельники сошли сюда, как в убежище; стекались негодяи, преступники, прелюбодеи, поножовщики, предатели; сам Ромул, глава и правитель, чтобы превзойти народ своей преступностью, убил брата. Вот начало столь благочестивого государства!¹

[3] Вскоре они похитили чужестранок девушек, уже просватанных, уже зарученных и нескольких замужних женщин — поступок беспримерный! Обесчестили, изобидели их и, завязав войну с их отцами, то есть со своими тестями, пролили родственную кровь. Можно поступить безбожнее и наглее?² Кто живет спокойнее, как не люди, уверенные в своей безнаказанности?!

[4] Выгонять соседей с их полей, разрушать соседние города вместе с храмами и алтарями, забирать пленных, крепнуть на чужой беде и собственных преступлениях — вот образ действий, общий у Ромула с остальными царями и позднейшими вождями. [5] Всё, что есть у римлян, что они чтут и чем владеют, взято насилеи; все храмы построены на добычу от войны, то есть на деньги разрушенных городов, ограбленных богов, убитых жрецов.

[6] Это оскорбительная насмешка — служить побежденным богам и, взяв их в плен, после победы им молиться. Молиться тому, на что ты наложил руку, — это святотатство, а не благочестие. У римлян число преступлений совпадает с числом триумфов; награбленного у богов добра столько же, сколько взято трофеев у людей. [7] Римляне так могущественны не потому, что благочестивы, а потому, что святотатства их безнаказанны! Боги, против которых они взялись за оружие, не могли быть им помощниками на войне, а чтить их, приглашаемых к себе, они начинали,

справив над ними триумф. А что могут для римлян сделать эти боги, бесильные перед их оружием, ничем не помогшие своим?

[8] Мы знаем исконных римских богов: Ромул, Пик, Тиберин, Конс, Пилумн и Волумн; Клоатину открыл и почитал Таций; Ужас и Бледность — Гостилий; не знаю, кем обожествлена лихорадка³. Вот вера, вырастившая этот город: почитание болезней и недугов! Акку, Ларенцию и Флору⁴, блудниц бесстыднейших, следует, конечно, считать не только среди язв Рима, но и среди его божеств. [9] Они, разумеется, и распространили власть Рима, одолев богов, почитаемых другими народами; своим же против римлян не помогли ни Марс Фракийский, ни Юпитер Критский, ни Юнона — то Пунийская, то Аргосская, то Самосская, ни Диана Таврическая, ни Идейская Мать, ни эти египетские не боги, а страшилища.

[10] Может быть, у римлян целомудреннее весталки⁵ или благочестивее жрецы? Многих весталок, неосторожно вступивших в связь с мужчинами (без ведома, конечно, Весты), наказали за распутство, но безнаказанность остальным обеспечило не прочное целомудрие, а удачливость в разврате. [11] Кто, как не жрецы у алтарей и в храмах нанимают любовниц, занимаются сводничеством, замышляют прелюбодеяния? В кельях храмовых привратников чаще утоляют пыл страсти, чем в непотребных домах⁶.

[12] И до римлян, однако, по Божественному произволению, долго владычествовали ассирийцы, мидяне, персы, греки и египтяне, хотя не было у них ни понтификов, ни Арвальских братьев, ни салиев, ни весталок и авгуров⁷ не держали в клетках кур, чей аппетит управлял государственными делами.

26

Я перехожу к тем римским птицегаданиям, сведения о которых тщательно собраны; по твоему свидетельству, пренебрегали ими себе на горе и соблюдали на счастье. [2] Клодий, Фламиний и Юний погубили войска потому, что не сочли нужным ждать, пока куры будут есть на полон рот¹.

[3] А Регул? Он ведь слушался знамений, а в плен попал. Манцин придерживался религиозных предписаний и был послан под ярмо и предан. И у Павла куры ели с аппетитом, но он и с ним большая часть римлян погибли при Каннах². [4] Авгуров удерживали Цезаря от переправы с флотом в Африку до наступления зимы; он пренебрег ими, без затруднений переплыл море и одержал победу.

[5] Что сказать еще об оракулах? После смерти Амфиарий предсказывал грядущее, но не знал, что будет предан женой за ожерелье. Слепой Тирезий видел будущее, но не видел настоящего³. [6] Ответ Аполлона Пифийского Пирру придумал Энний, ибо сам Аполлон уже перестал сочинять стихи⁴: его осторожные и двусмысленные предсказания иссякли, когда люди стали и опытнее и недоверчивее. Демосфен⁵, знавший о поддельных ответах, жаловался, что Пифия «держит руку Филиппа».

[7] Иногда, впрочем, знамения и оракулы близки к истине, и хотя среди множества лжи случайно может оказаться и что-нибудь дельное, но я собираюсь вскрыть и показать источник, откуда подымается густой туман губительного заблуждения.

[8] Есть нечистые блуждающие духи, лишённые небесной силы, ибо отяготели на них земная скверна и страсти. Эти духи, обремененные пороками и погрязшие в них, утратили свою чистую сущность, и, чтобы утешить себя в своей беде, они, погибшие, не перестают губить, развращенные — развращать, отлученные от Бога — отводить от Него, вводя ложные верования. [9] Что эти духи суть демоны, об этом знают поэты, о них рассуждают философы. Сократу они были знакомы, и он, по воле и по указанию демона, в нем присутствовавшего, брался за какое-то дело или отклонял его от себя⁶. [10] Маги не только знают, что есть демоны, но и забавляют людей своими чудесами с помощью демонов; по их наущению и с их помощью показывают они фокусы; заставляют видеть то, чего нет.

или не видеть того, что есть. [11] Гостан⁷, первый из этих магов, и в словах и в делах своих описывает Бога в подобающем Ему величии; он знал, что ангелы, то есть Божии слуги и вестники, стоят у Его престола и славословят Его; они трепещут Его лика и единого Его мановения. Он же рассказал, что демоны — существа земные, бродячие, враждебные человечеству. [12] А разве Платон, который верил, что найти Бога трудно, затруднился рассказом об ангелах и демонах? В своем «Пире» он старается изъяснить природу демонов. По его мнению, сущность их представляет нечто среднее между тем, что смертно и что бессмертно, то есть между телом и духом; это соединение тяжелых, земных, и легких, небесных, частиц. Отсюда в нас, предупреждает он, жажда любви; по его словам, они получают облик, проскальзывают в человеческие сердца, волнуют мысль, возбуждают чувство и вливают жар страсти.

27

Вот эти нечистые духи, которых объявили демонами¹ и маги, и философы, и Платон, прячутся под освященными изображениями и статуями и одушевляют их силой, исходящей будто бы от присутствия божества; они вдохновляют пророков, пребывают в храмах, иногда приводят в движение волокна внутренностей, управляют полетом птиц, распоряжаются жребиями, дают предсказания, в которые вплетено столько лжи. [2] Они и обманываются сами и обманывают; они не знают чистой истины и на погибель свою не исповедуют того, что знают. Они пригибают человека к земле и уводят его от истинного Бога к поклонению веществу. Они тревожат нашу жизнь, смущают сон; тайком легкие духи пробираются в наши тела, вызывают болезни, насылают страхи, выворачивают члены, лишь бы заставить поклоняться себе; насытившись алтарным чадом и жертвенным мясом, они развязывают узы, которыми связали человека, чтобы показать себя врачевателями. [3] Они насылают то неистовство, в котором люди, как вы видите, выбегают на улицу и, пророки без храма, безумствуют, выходят из себя, катаются колесом; они тоже одержимы демонами, только вид их неистовств другой. [4] От них идет и то, о чем ты недавно говорил: требование Юпитером повторных игр, данное в сновидении; явление всадников Касторов; корабль, влекомый поясом Матроны.

[5] Большой части ваших известно, что сами демоны сознаются в том, кто они, всякий раз, когда мы изгоняем их из людей, мучая заклинаниями и обжигая молитвой. [6] Сам Сатурн, и Серапис, и Юпитер, и вообще все демоны, которых вы почитаете, побежденные болью, говорят, что они такое, и, разумеется, не лгут на позор себе, особенно если тут присутствует кто-нибудь из ваших. [7] Поверьте же их собственному правдивому сознанию в том, что они демоны; заклинаемые истинным и единым Богом, они, несчастные, против воли своей содрогаются в теле одержимого и, смотря по вере страдальца и благодати врачующего, или сразу уходят, или постепенно исчезают. Они обращаются в бегство, столкнувшись с христианами, но очень старались с вашей помощью беспокоить наши собрания. [8] Вкравшись в души невежественные, они тайком сеют страх и ненависть к нам: естественно ведь и ненавидеть того, кто страшен, и, если можешь, досадить тому, кого боишься. Так и завладевают они душами и делают глухими сердца, чтобы люди нас ненавидели, еще не зная, и чтобы не могли, ознакомившись, пойти вслед за нами или же нас не осудить.

28

Как несправедливо судить о неизвестном, о неисследованном! А вы это делаете: поверьте нам, кающимся в этом. [2] И мы ведь были такими же и когда-то, слепые и глупые, заодно с вами думали, будто христиане молятся чудищам, пожирают младенцев и развратно пируют. Мы не понимали, что эти сказки всегда распускаются демонами, что и преступления эти никогда не были выслежены и доказаны и что за столько времени не

появилось человека, который бы их выдал в расчете не только на помилование, но и на награду за донос¹. На христианах нет тут вины, и христианин, обвиненный в этом, не краснеет, не боится и кается единственно в том, что не стал христианином раньше.

[3] Мы брали на себя защиту святотатцев, кровосмесителей и даже отцеубийц, но нам и в голову не приходило выслушать христиан. Иногда, жалея их, мы над ними свирепствовали, чтобы пыткой вынудить у исповедников отречение и сохранить им жизнь. Допрос наш вели мы извращенным образом: доискивались не истины, а вынуждали ко лжи. [4] И если человек послабее, умученный и побежденный болью, отрекался от христианства, мы благоволили к нему, словно своим отречением он смыл все свои поступки. [5] Вы признаёте, что мы думали и поступали так же, как думаете и поступаете вы? Если судить по здравому смыслу, а не по демонскому подстрекательству, то следовало ведь вынуждать не отказ от христианства, а сознание в кровосмесительстве, кощунственных обрядах, в убийстве детей. [6] Этим и подобными сказками те же демоны так набили уши наших невежественных противников, что нас проклинают и боятся. Неудивительно: людская молва всегда живет приправой обмана, который исчезает пред лицом истины. Такова работа демонов: они сеют лживые слухи и лелеют их.

[7] Отсюда идет и слышанный тобой рассказ о том, будто мы почитаем как святыню ослиную голову. Найдется ли глупец, чтобы чтить ее? Найдется ли глупец еще больший, чтобы поверить, будто ее чтят? Вы, правда, у себя в конюшнях почитаете осла вместе с Эпоной² и осла же поедаете за ритуальной трапезой в честь Исиды³. Вы также приносите в жертву и чтите бычачьи и бараньи головы и ставите статуи богов, полукозлов-полулюдей и богов с львиными и песьими головами. [8] Разве вы вместе с египтянами не молитесь быку Апису, которого пасете? И вы не осуждаете их служб в честь змей, крокодилов и прочих животных, в честь рыб и птиц; если человек убьет такого бога, он заплатится головой⁴. [9] Те же египтяне вместе с большинством из вас боятся Исиды не больше, чем острого луку⁵, трепещут Сераписа не больше, чем звуков, издаваемых некоторой частью тела. [10] Так и тот, кто взвел на нас сказку о почитании мужских частей священника, пытается перенести на нас свои грехи. Такое бесстыдство можно, пожалуй, освятить только в том обществе, где оба пола торгуют всем своим телом, где крайнее бесстыдство зовется изысканностью, где завидуют распущенности уличных девок, ...прилипают похотливым ртом к тайным органам. Мерзок язык у этих людей, даже если он молчит; собственное бесстыдство скорее им надоест, чем их устыдит. [11] Какое преступление! Они позволяют творить над собой такую гнусность, которую не вытерпит нежный возраст, к которой не принудит жестокое рабство.

29

О таком бесстыдстве нам нельзя и слушать, противно в этом пространстве защищаться. Вы сочиняете про целомудренных и стыдливых людей такое, чему мы и не поверили бы, не представь вы собой тому доказательство.

[2] Вы приписываете нам веру в преступника и его крест. Вы очень-очень далеки от истины, если думаете, что в преступника, и вообще в смертного человека, можно и должно поверить, как в Бога. [3] Да, жалок тот, кто целиком возлагает свою надежду на человека: с гибелью этого человека конец и помощи от него. [4] Египтяне, правда, выбирают себе человека, которому молятся¹: его одного ищут умолиставить, с ним обо всем совещаются; ему режут в жертву животных. Он же, бог для остальных, понимает, конечно, что остается человеком — хочется ему этого или нет. Можно лгать другим, себя не обманешь. [5] Царей и владык чтят не как избранных великих мужей (так бы и следовало), но из гнусной

льстивой угодливости объявляют их богами, хотя славного мужа чтили бы искреннее, а хорошего любили бы больше. И вот, призывают их божественную силу, молятся перед их изображениями, умоляют их гения, то есть демона, и поклясться ложно гением Юпитера безопаснее, чем царским².

[6] Крестов мы не чтим, и не молимся на них. А вот вы, поклоняясь деревянным богам, может быть и молитесь деревянным крестам как составной части ваших богов. [7] Что такое ваши воинские значки и знамена, как не разукрашенные позолоченные кресты? Ваши победные трофеи³ напоминают не просто крест, но крест с прибитым к нему человеком. [8] Мы видим на корабле знак креста, естественно образующийся, когда судно плывет на вздувшихся парусах или скользит под ударами весел; поставленное ярмо имеет вид креста; похожа на него и фигура человека, который, простерши руки, с чистой душой молится Богу. Знаком креста отмечены естественные явления; его форму принимают предметы вашего почитания.

30

Хотел бы я встретиться с человеком, который говорит и верит, что мы приобщаемся к нашей вере кровью убитого младенца. Можно ли, по-твоему, такому нежному телу наносить смертельные раны, найдется ли человек, который выпустит и станет глотать эту свежую кровь только что родившегося существа, почти еще не человека? Поверить этому может только тот, кто посмеет на это решиться. [2] Вы, я знаю, иногда выбрасываете своих детей зверям и птицам, а иногда предаете жалостной смерти через удушение; есть такие женщины, которые лекарственными напитками уничтожают в самом чреве своем зародыш будущего человека и, еще не родив, убивают человека¹.

[3] Это, разумеется, школа ваших богов: Сатурн детей своих, правда, не выбрасывал, он их пожирал. Ему, по праву, в некоторых областях Африки родители и приносили в жертву младенцев, ласками и поцелуями зажимая им рот, чтобы не приносить жертву всю в слезах². [4] У понтийских тавров и у египтянина Бусирида был обычай приносить в жертву чужестранцев; у галлов — в честь Меркурия совершать человеческие, вернее, бесчеловечные, жертвоприношения; у римлян — закалывать живыми в жертву грека и гречанку, галла и его соплеменнику³. По сегодняшней день римляне чтят Юпитера Латиария человекоубийством, и он, как и достойно Сатурнова сына, отъедается на крови преступника. [5] Я верю, что именно он научил и Катилину скрепить заговор кровью⁴, и Беллону⁵ человеческой кровью поить своих почитателей, и падучую лечить ею же — лекарство хуже болезни⁶. [6] Не отличаются от них и люди, которые едят мясо животных, прямо с арены, измазанных и выпачканных кровью, отъевшихся на человеческих внутренностях и телах⁷. Нам не дозволено ни смотреть на убийство, ни слушать о нем, и мы так остерегаемся человеческой крови, что не употребляем в пищу даже крови съедобных животных⁸.

31

Громкую историю о разврате на наших пиршествах выдумало демонское сборище, чтобы нас, славных своим целомудрием, забрызгать грязью и опозорить; до истины и не подумают доискиваться, а сразу отвернутся от нас в ужасе перед этой отвратительной клеветой. [2] И Фронтон¹ твой говорил об этом не как достоверный свидетель, а как оратор, пересыпающий речь бранью. Такое идет скорее от народов языческих. [3] Связь с матерью у персов вполне дозволена, у египтян и афинян брак с сестрой узаконен. Ваши истории и трагедии, которые вы охотно читаете и слушаете, знамениты рассказами о кровосмешении². Вы чтите и богов-кровосмесителей, живших кто с матерью, кто с сестрой³. [4] Понятно, что у вас часто уличают в кровосмешении и всегда его терпят! Сами того не зная, вы можете попасться в недозволенной связи: раз вы предаетесь люб-

ви без разбора, раз вы сеете детей где попало, раз вы даже законнорожденных часто оставляете на милость чужих людей, то вы неизбежно наткнетесь на кровных родных, на собственных детей. Вы играете трагедии о кровосмешении, сами того не подозревая.

[5] Свою стыдливость доказываем мы не внешним видом, а нашими убеждениями; мы охотно остаемся в узах единобрачия; мы знаем только одну женщину или ни одной. На наших пиршествах мы соблюдаем не только целомудрие, но и трезвость: мы не наслаждаемся едой, не сидим за выпивкой; веселость умеряется у нас серьезностью; чисты речи и еще чище телá; многие из нас радуются — не хвалясь им — нерушиму делу девству никем не тронутого тела; нечистые желания так далеки от нас, что некоторые стыдятся даже целомудренного соединения.

[6] Если мы отказываемся от ваших почетных званий и пурпурных полос⁴, это не значит, что община наша состоит из одного простонародия; если все мы знаем, что есть единое благо, и, собравшись, ведем себя так же тихо, как и в одиночестве, это не значит, что мы заговорщики; если слушать наши выступления перед людьми вам стыдно и страшно, значит, мы говорим не только по углам.

[7] Если число наше увеличивается со дня на день, то это свидетельствует не о росте заблуждения, а о том, что нас признали; человек, привыкший жить чистой жизнью, жить по-другому не станет, и люди, чуждые такой жизни, начинают ему подражать. [8] Мы легко узнаём друг друга не по телесным приметам, как вы думаете, а по нашей порядочности и скромности; мы любим друг друга (это вас и печалит); мы не умеем ненавидеть; мы зовем друг друга братьями (чему вы завидуете), как люди единого Бога Отца, как соучастники в вере, как сонаследники в надежде. Вы не желаете знать друг друга, вы свирепы в вашей взаимной ненависти и признаёте себя братьями, только замыслив братоубийство.

32

Вы думаете, что если у нас нет святилищ¹ и жертвенников, значит, мы скрываем предмет нашего почитания. Какой образ Божий придумаю я, если — подумай хорошенько — сам человек является образом Божиим? Какой храм построю Ему, когда весь этот мир, Его создание, не может Его вместить? И если я, человек, люблю простор, то как же запроу я в одной часовенке такое величие? [2] Не лучше ли отдать Ему свою душу, святить Его в глубине своего сердца? Предложу ли я Богу в жертву животных, которых Он создал мне на потребу, и брошу Ему обратно Его дар? Это было бы неблагодарностью! Жертва, угодная Ему, — это доброе сердце, чистый ум и светлые мысли. [3] Кто блюдет свою праведность, тот молится Богу; кто справедлив, тот творит Ему возлияния; кто воздерживается от обмана, тот умиловывает Бога; кто вырывает человека из опасности, закалывает Богу тучную жертву. Вот наши жертвоприношения; вот служение Богу; у нас считается благочестивее тот, кто справедливее.

[4] Бога, Которого мы чтим, мы не можем ни показать, ни видеть. Поэтому мы и считаем Его Богом, что чувствовать Его можем, видеть не можем. В делах Его, во всех явлениях природы, в громе и блеске молнии, в ясной погоде созерцаем мы Его неизменно присутствующую силу.

[5] Не удивляйся, что ты не видишь Бога; под дыханием ветра всё приходит в движение, колышется, волнуется; глазами, однако, ты не улавливаешь дыхания ветра. На солнце, благодаря которому мы всё видим, мы не можем смотреть: глаза наши прячутся от его лучей; взор всматривающегося помрачается, и если долго вглядываться, то зрение и вовсе угаснет. [6] И ты можешь выдержать лицезрение Создателя этого солнца, Его, этот Источник света, когда ты отворачиваешься от Его сверкающих молний и прячешься от грозы?! И ты хочешь увидеть Бога телесными очами, когда самую душу твою, которая тебя живит и дает тебе речь, ты не можешь ни узреть, ни взять в руки?!

[7] Этот Бог, однако, не знает, что делают люди, и, находясь на небе, не может ни обойти всех, ни знать каждого в отдельности?! О, человек, ты обманываешься и заблуждаешься! Что далеко от Бога, когда и небо, и земля, и всё, что находится за пределами этого мира, известно Богу и полно Им? Он повсюду и не только рядом с нами — Он в нас. [8] Посмотри опять-таки на солнце: оно утверждено на небе, но свет его рассеян по всей земле: в равной степени присутствуя всюду, оно везде и во всем, и нигде сияние его не затменено. [9] Бог, Который создал всё и за всем наблюдает, от Которого ничто не может укрыться, пребывает и во тьме, пребывает и в помыслах наших — это ведь тоже своего рода тьма. Мы не только действуем пред Лицом Его, вернее сказать: мы живем с Ним.

33

Не будем обольщаться своей многочисленностью: нам кажется, нас очень много, для Бога — нас очень мало. Мы различаем племена и народы; для Бога весь этот мир — один дом. Цари знали через своих слуг только то, что происходит у них в царстве, Богу не нужен указчик; мы живем не только пред очами Его, но в Его лоне.

[2] Иудеям, однако, вовсе не повезло, что они с великим рвением чтили у жертвенников и в храмах единого Бога? Ты гретишь неведением: забыв прошлое или не зная его, ты помнишь только времена недавние. [3] Пока они чтили нашего Бога (Он Бог всех) в чистоте, непорочности и благоговении, пока повиновались Его спасительным заповедям, они из малого народа стали бесчисленным, из нищих — богачами, из рабов — царями; малые числом, безоружные, они сокрушили множество вооруженных, которые их, беглецов, преследовали, сокрушили по Божиему повелению и при содействии стихий¹.

[4] Перечти их Писания или (оставим древних) разузнай об иудеях у Иосифа Флавия, а если тебе приятнее латинские писатели, то — у Антония Юлиана². Ты узнаешь, что они заслужили свою судьбу собственной подлостью, и с ними не случилось ничего, что не было бы им заранее предсказано, если они будут упорствовать в своей жестоковийности. [5] И ты поймешь, что они покинули Бога прежде, чем были покинуты Им, и что они не взяты в плен вместе со своим Богом, по твоим нечестивым словам, а преданы Богом, как изменники своему Закону.

34

Толпа ошибается, не веря, что будет мировой пожар, что неожиданно ниспадет огонь и небо разверзнется. [2] Кто из мудрецов сомневается, кто не знает, что родившееся исчезает, что созданное гибнет? Стойки твердо уверены, что как только источники пресной воды перестанут питать моря, то небо и всё, что на небе, сгорит в огне: по исчезновении влаги мир воспламенится. [3] Таково же мнение эпикурейцев: всё сгорит, и мир погибнет. [4] Платон говорит, что земля частично будет то затоплена, то объята огнем; но так как, по его же словам, мир создан вечным и нерушимым, то он может исчезнуть и разрушиться только по воле своего Творца — Бога. [5] Нет ничего удивительного, если эту громаду расстроит Тот, Кто ее устроил. Ты видишь, что философы рассуждают так же, как и мы, только не мы идем по их следам, а они в боговдохновенных пророческих предсказаниях уловили тень истины, но исказили ее¹.

[6] Таким же образом славные мудрецы — Пифагор первый и Платон, самый крупный, — говорили о воскресении, хотя вера их была ущербной и половинчатой; они думают, что по распадении тела пребывает вечно только душа, которая неоднократно переходит в другие, новые тела. [7] К этому, извращая истину, они добавляли: человеческая душа возвращается в скотину, в птиц, зверей. Эта мысль достойна, конечно, не размышляющего философа, а мима с его издевками². [8] Для нашей цели, впрочем, достаточно, что мудрецы ваши и здесь до известной степени согласны с нами.

[9] Дальше. Найдется ли такой глупец и тупица, который осмелится бы возразить, что Бог, смогший создать первоначально человека, не сможет и заново переделать его? После смерти ничего нет и до рождения ничего не было? Можно было родиться из ничего и нельзя также из ничего появиться? Труднее ведь вызвать к бытию то, чего не было, чем воссоздать то, что было. [10] По-твоему, и для Бога погибает то, что перестали видеть наши близорукие глаза? Всякое тело — иссыхает ли оно, становясь прахом, растворяется ли, делаясь влагой, превращается ли в горсть пепла или в тонкую струю дыма — исчезает для нас, но сохраняется для Бога, хранящего элементы. Мы не боимся, как вы думаете, никакого ущерба при любом способе погребения, но придерживаемся старого и лучшего обычая предавать тело земле.

[11] Посмотри, как вся природа, утешая нас, говорит о будущем воскресении! Солнце заходит и появляется вновь; звезды закатываются и возвращаются; цветы умирают и оживают; деревья осыпаются и опять зеленеют; семена погибают — и всходит свежая зелень. Для тела эта жизнь то же, что зима для деревьев; под мнимой гибелью скрывается жизненная сила. [12] Зачем торопишься, желая возрождения и возврата в самой середине зимы? Мы должны подождать весны и для тела.

Я прекрасно знаю, что большинству, сознающему, чего они заслужили, гораздо приятнее превратиться в ничто после смерти: они предпочитают совершенно исчезнуть, чем восстать для мучений. Заблуждения их растут, ибо человеку предоставлена в этом мире свобода, и долготерпение Божие велико. Чем позднее, однако, Его суд, тем он справедливее.

35

И книги мудрецов и стихи поэтов убеждают, однако, людей в существовании огненной реки и горячего Стигийского болота с его многочисленными кругами¹. Они известны и, по указаниям демонов и по изречениям пророков, уготованы для вечных мучений. [2] В их произведениях даже сам царь Юпитер в трепете клянется этими опаленными берегами и черной бездной; он заранее знает о наказании, предназначенном ему и его почитателям, и трепещет.

[3] И пыткам этим нет ни меры, ни предела. Огонь там наделен разумом: он сжигает члены и восстанавливает их, пожирает их и питается ими. Как молния, попав в тело, не уничтожает его, как огни Этны, Везувия и всех огнедышащих гор горят и не гаснут, так этот карающий пожар не насыщается уничтожением пылающих жертв, но питается муками их неистребимых тел.

[4] Только безбожник не согласится, что по заслугам мучатся те, кто не знает Бога — нечестивцы, беззаконники. Не знать Отца всех и Владыку всех так же преступно, как оскорблять Его. [5] Такого неведения достаточно для кары: знающего Он помилует. И во всяком случае, если сравнивать нас, христиан, с вами, то, хотя некоторые из нас и слабы в нашем учении, но мы все-таки гораздо лучше вас. [6] Вы запрещаете внебрачные связи и вступаете в них — для нас естественно быть мужьями только наших жен; вы наказываете совершённые преступления — у нас и помыслить о них грех; вы боитесь соучастников — мы только совести, без которой быть не можем; и, наконец, тюрьма переполнена вашими людьми — если там оказывается христианин, то это либо обвиняемый за веру, либо отрекшийся от нее.

36

И у судьбы нечего искать утешения и ею извинять свою жизнь; пусть жизненный жребий человека — дело случая, но ум ведь свободен, и суд будет над его поведением независимо от его звания. [2] Да и что такое судьба, как не то, что Бог изрек о каждом из нас? Так как Ему заранее известна наша сущность, то в соответствии с заслугами и качествами каж-

дого Он и определяет нашу судьбу. Мы несем кару не за наши природные качества — наказывается наша духовная настроенность. Достаточно, впрочем, о судьбе; если этого мало — время ведь ограничено, — мы потом поговорим об этом пространнее и яснее.

[3] Большинство наших — бедняки; это для нас не позор, а слава; как роскошь расслабляет душу, так бедность ее укрепляет. [4] И беден ли тот, кто не нуждается, кто не зарится на чужое, кто богатеет в Боге? Гораздо беднее тот, кто, много имея, жалеет большего. [5] Я выскажу свои мысли: никто ведь не может быть так беден, как он был при рождении. Птицы живут, не получая наследства, и находят пищу изо дня в день. Все это создано для нас, и мы владеем всем, если нас не одолевает жадность.

[6] Как страннику тем удобнее в дороге, чем легче его поклажа, так и на этом жизненном пути счастливее тот, кто облегчил себя бедностью и не вздыхает под грузом богатства. [7] Будем, однако, просить у Бога средств, если сочтем их полезными; Кому принадлежит всё, может кое-что уделить и нам. Мы предпочитаем, однако, презирать имущество и не держаться за него; мы больше хотим быть честными, больше просим терпения и предпочитаем быть не богатыми, а хорошими людьми.

[8] То, что мы чувствуем обычные для людей страдания и терпим их, — не наказание, это — испытания война. Сила укрепляется в немощах, и несчастье — часто школа доблести; душевная и телесная крепость без упражнения слабеет. Все ваши доблестные мужи, которых вы ставите в пример, прославились своими горестями. [9] Так и нам Бог может, конечно, помочь; Он, правящий всем и любящий Своих, не пренебрегает нами, но каждого испытывает и проверяет в несчастьях. Опасность — это весы, на которых Он взвешивает свойства человека; его волю Он проверяет до последней минуты, прекрасно зная, что ничто от Него не ускользнет. Как золото познается в огне, так и мы в бедствиях.

37

Какое прекрасное зрелище для Бога: христианин борется с болью; меряется силами с угрозами, пытками, мучениями, смеется над уже грохочущей смертью и страшным палачом; утверждает свою свободу перед лицом царей и правителей, боится единого Бога, Которому принадлежит; триумфатор и победитель, он насмехается над тем, кто выносит ему приговор! Победил ведь получивший то, к чему стремился.

[2] Найдется ли воин, который на глазах у полководца не бросится с большей отвагой навстречу опасности? Никто ведь не получает награды до испытания. И полководец не дает того, чего у него нет: он не может продлить жизнь, он может почтить воина. [3] А Божий воин не отрекается от Бога в страдании и не обретает конца в смерти; христианин может показаться несчастным, оказаться им не может. Вы сами возносите до небес людей, много претерпевших: Муция Сцеволу¹, который, промахнувшись в царя, погиб бы среди врагов, не потеряв правой руки.

[4] А сколько наших людей потеряли в огне не одну правую руку, а сгорели целиком, не издав ни стоны. А ведь в их власти было выйти на свободу! [5] Сравнить ли мне с Муцием, Аквилем или Регулом² мужчин? Наши дети и женщины смеются над крестами, пытками, зверями и всеми ужасами истязаний; терпение к боли даровано им свыше. [6] Вы не понимаете, несчастные, что нет никого, кто захотел бы мучиться, не будь в этом смысла, и никто не мог бы выдержать пытку без Бога.

[7] Может быть, вы введены в заблуждение тем, что люди, не знающие Бога, осыпаны богатством, украшены почестями, сильны могуществом? Несчастные! Они подняты выше затем, чтобы глубже упасть. Их, как жертвенных быков, откармливают на убой, как овец, идущих на заклание, украшают венками. Они возвеличены властью и господством, дабы их порочная душа свободно развернулась в расчете на то, что сильный останется безнаказанным. [8] Можно ли, не зная Бога, пользоваться прочным

счастьем, если есть смерть? Оно, подобно сну, ускользает прежде, чем его схватишь. [9] Ты царь? Но ты боишься так же, как боятся тебя; пусть тебя окружает любая громадная свита, перед лицом опасности ты одинок. Ты богат? Но счастью нельзя доверять, и на коротком жизненном пути большая ноша не помощь, а бремя. [10] Ты кичишься знаками власти и пурпуром? — Пустое заблуждение и глупое преклонение перед званиями: сиять в пурпуре, а душу иметь в грязи. Ты родовит и знатен? Ты восхваляешь своих предков? Участь всех, поверь, одинакова; мы различаемся только добродетелью.

[11] Мы, цenia целомудрие и чистые нравы, по справедливости удаляемся от ваших злых удовольствий, торжественных шествий и зрелищ. Мы знаем, что они берут начало от культа богов и осуждаем их губительную прелесть. Кто на конских бегах не ужаснется безумию ожесточенно спорящих людей, на гладиаторских играх — школе убийства? [12] В театре неистовства не меньше, а мерзости больше: вот мим или рассказывает о прелюбодеянии, или представляет его; вот томный актер играет влюбленного и учит любви; он позорит ваших богов, приписывая им разврат, любовные вздохи, ненависть; он вызывает у вас слезы мнимым страданием, бессодержательными жестами и кивками; вы требуете убийств в действительности и плачете над вымыслом.

38

Наш презрительный отказ от жертвоприношений и возлитого вина не есть сознание в своем страхе: это утверждение истинной свободы. Всякое произведение природы есть чистый дар Божий, осквернить который нельзя никаким использованием, но мы все-таки воздерживаемся от идоложертвенного, чтобы никто не подумал, будто мы уступаем демонам, которым совершено возлияние, или стесняемся нашей веры.

[2] Кто усумнится, что мы радуемся весенним цветам? Мы рвем и весенние розы, и лилии, и всякие цветы с приятной окраской и запахом. Мы усыпаем ими наши помещения и обвиваем себе шею венками. Придется вам извинить, что мы не надеваем их на голову: мы привыкли вдыхать аромат цветка ноздрями, а не впитать его затылком или волосами.

[3] Мы не надеваем венков на умерших. Меня поражает, как вы можете сжигать труп, если он это чувствует, или увенчивать его, если он бесчувствен: если умерший счастлив, он не нуждается в цветах; несчастный им не порадуется. [4] Наши похороны овеяны тем же миром, в каком мы живем; мы не плетем венка, который засохнет, а ждем от Бога вечно живого, из цветов неувядаемых; спокойные, смиренные, уверенные в щедротах нашего Бога, мы одушевлены надеждой на будущее блаженство и верой в Его и сейчас проявляемое величие. Мы живем в счастливой уверенности в воскресении и в созерцании будущего.

[5] Пусть же Сократ, шут из Аттики¹, сознается, что он ничего не знает, и похвалится свидетельством своего лживого демона; пусть сомневаются Аркесилай, и Карнеад, и Пиррон, и вся толпа академиков; пусть Симонид навеки откладывает свое решение — мы презираем гордых философов²; мы знаем их как совратителей, прелюбодеев и тиранов, как красноречивых изобличителей пороков, в них же гнездящихся. [6] О нашей мудрости не говорит внешний вид; мы скрываем ее в душе. Мы не говорим о высоком, а живем высоким и хвалимся обретением того, что с величайшим напряжением искали они и не смогли найти. Зачем нам быть неблагодарными, чего еще желать, если истинное учение о Боге дано в полноте нашему времени? Будем же пользоваться нашим счастьем и мыслить право. Да исчезнет суеверие, да будет искуплено нечестье, да стойт истинная вера!»

39

Октавий окончил свою речь. Мы, пораженные, сидели еще некоторое время молча с выражением напряженного внимания. Что касается меня, то я был в растерянности и великом изумлении: то, что легче почувствовать, чем объяснить, он доказал и доводами, и примерами, и ссылками на авторитетных писателей; зложелателей отразил тем же оружием, которым их вооружила философия. Он показал, что истину не только легко постичь: она желанна.

40

Пока всё это я молчаливо перебирал в себе, Цецилий стремительно заговорил: «Я приношу горячие поздравления моему Октавию, да и себе также и не жду решения судьи. Мы оба победили; пожалуй, я бессовестно притязую на победу; но ведь если он победил меня, то я торжествую над своими заблуждениями.

[2] Итак, что касается главного, признаю Провидение, сдаюсь в вопросе о Боге, соглашаюсь что ваша — теперь уже и моя — община живет чистой жизнью. Остались еще кое-какие вопросы; это не препятствие для истины, но необходимо их решить для полноты знания. Об этом — завтра, солнце уже склоняется к закату, чтобы поскорее оказаться нам согласными во всем».

[3] «А я, — говорю, радуюсь больше за всех нас: Октавий одержал победу и для меня, особенно потому, что избавил меня от возможной обиды за мой суд. Заслугу его я не могу, однако, вознаградить словами: свидетельство человека, да еще одного, бессильно. Октавий владеет от Бога особым даром: он и говорил одушевленный Им, с Его помощью и победил».

Затем мы разошлись в радости и веселии: Цецилий — потому, что уверовал, Октавий — потому, что победил, я — потому, что один уверовал, а другой победил.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе 1

¹ Единство желаний в представлении древних — характерная примета дружбы и ее «древний закон». «Хотеть одного и того же и одного и того же не хотеть — это признак крепкой дружбы» (Салл. Заговор Катилины 20, 4; то же — у Сен. Письма 109, 16).

² «Туман» — в классической латыни и у христианских писателей тьма, застилающая истину. «Глубина мрака» и «свет истины» — это противопоставление язычества и христианства. Та же антитеза и у св. Киприана: мрак и темная ночь мирской языческой жизни и свет христианской истины (к Донату 3).

К главе 2

¹ Какие это были дела, неизвестно.

² Расположена в устье Тибра, на левом его берегу, в 20 км от Рима. До постройки Клавдием на правом берегу большой гавани, еще расширенной Траяном, оживленный торговый и промышленный порт Рима. К III веку тихий городок. Одно из любимых дачных мест.

³ Сбор винограда на юге (сентябрь — октябрь) всегда праздник. Суды на это время закрывались.

⁴ Серапис — египетское божество, отождествляемое с Озирисом. Почитание египетских богов в приморских городах Кампании существовало уже во II в. до Р.Х. Оттуда оно широко распространилось по всей Италии; в Риме в середине I в. до Р.Х. на Марсовом поле находился храм Исиды и Сераписа; в 137 г. по Р.Х. выстроен был храм Сераписа в Остии.

⁵ Обычный жест почитания у римлян.

К главе 3

¹ Цецилий живет в доме Минуция, проходя под его руководством практическую школу судебной деятельности.

² Статую чтимого бога принято было смазывать маслом или ароматическими эссенциями и увенчивать.

³ Точность описания этой игры проверил на опыте один швейцарский ученый, заставивший своих, ничего не подозревавших студентов описать бросание камешков над водой — игру, которой они неоднократно занимались в детстве на берегу Невшатальского озера (A. Labhardt, M. Felix et les ricochets d'Ostie. Hommage à J. Bayet. Bruxelles, 1964, p. 349—354).

К главе 4

¹ Цецилий собирается обсудить с Октавием вопрос о язычестве и христианстве «целиком и заново» — как доселе он не рассматривался, причем не в товарищеской, непринужденной беседе, а в философском споре, с оружием философских доказательств. Октавий бросил ему упрек в *inscientia*; Цецилий собирается доказать, что именно он, Октавий, повинен в невежестве. В конце своей речи (14, 1) он считает свою цель достигнутой, называя Октавия «последним из философов».

² Место между двумя спутниками, с обеих сторон прикрывавшими сидящего между ними, считалось у римлян почетным.

К главе 5

¹ Как учила философская школа, известная под именем «Новой Академии», человек не может ничего знать достоверно; пусть удовлетворится правдоподобным, вероятным.

² Фалесу (см. примеч. 2 к гл. 19) приписывали изречение: «Познай самого себя».

³ Фаларид — тиран, властвовавший в Агригенте (Сицилия) в середине VI в. до Р.Х., известный своей жестокостью.

Дионисий — тиран Сиракузский (V в. до Р.Х.). Древние видели в нем тип тирана подозрительного, бессовестного и жестокого.

Рутилий Руф — человек строгой и высокой нравственности. Был консулом в 105 г. до Р.Х., а затем управлял провинцией — Азией. Его неподкупность и безукоризненная честность создали ему много врагов среди людей влиятельных. Его обвинили во взяточничестве, и он был приговорен к изгнанию.

Камилл (IV в. до Р.Х.) — один из самых знаменитых военачальников Римской республики; горячий сторонник аристократии, он возбудил против себя народ, который добился его изгнания.

Сократ — афинский философ V в. до Р.Х. Он порвал с традицией старых философских школ, искавших первопричину вселенной, и обратил внимание на разработку морали; «свел философию с неба, поселил в городе, ввел в дома и заставил заняться жизнью, нравственностью, обсудить что хорошо и что плохо» (Цицерон. Тускуланские беседы V, 4, 10—11).

К главе 6

¹ Церера — греческая Деметра, «мать-земля» (см. примеч. 2 к гл. 22).

Фригия — область в Малой Азии. «Матерь» — «Великая Мать», или Кибела (см. примеч. 2 к гл. 7).

Эпидавр — город в Арголиде (область на восточном побережье Греции). Здесь находилось главное святилище Асклепия (Эскулапа), бога-целителя.

Бел — Ваал, главное божество народов древнего Востока: вавилонян, финикийцев, халдеев.

Астарта — богиня финикийского Тира. Финикийские колонисты привезли ее культ во все свои колонии.

Диана — здесь богиня тавриев, обитателей Тавриды (ныне Крым).

Галлия — ныне Франция. Главного бога галлов — Тевтата римляне отождествляли с Меркурием (греч. Гермес), потому что он также был покровителем торговцев и путешественников.

² Римляне включили в свой пантеон, действительно, богов почти всей Ойкумены, отождествив их — в большинстве случаев — со своими исконными. В обычае было при осаде вражеского города, перед решительным боем «приглашать к себе» богов — покровителей этого города: пусть они оставят его и перейдут в Рим, где им воздвигнут храм и будут чтить не меньше, чем на прежнем месте.

³ Весталок, жрица богини Весты, обязанных поддерживать неугасимый огонь на очаге в ее храме. Служение их длилось тридцать лет, в течение которых они должны были хранить строгое целомудрие; нарушившую его ожидала страшная казнь: ее живую замуравывали в подземелье.

⁴ Галлы захватили в 390 г. до Р.Х. Рим, кроме Капитолия (один из семи холмов, на которых впоследствии раскинулся Рим), где укрылась кучка римских воинов. Галлы держали Капитолий в осаде; однажды они увидели, как с холма спустился безоружный юноша в жреческой одежде; не обращая внимания на крики и угрозы, он медленно прошел среди вражеской толпы, поднялся на Квиринальский холм, совершил там положенные жертвы и пошел так же медленно и спокойно обратной дорогой. Изумленные галлы его пропустили.

К главе 7

¹ Одной из четырех главных жреческих коллегий были авгуры, узнававшие по полету птиц, их крику и пению, по их аппетиту волю богов относительно того или другого начинания: благосклонны ли они к нему или нет у них на него согласия. При войске везли священных кур; если они так набрасывались на еду, что кусочки каши падали у них из клюва, это считалось счастливейшим предзнаменованием. Гадания производились и по внутренностям животных, принесенных в жертву.

² Идейская Матерь — Великая Матерь богов, Кибела, богиня, особенно почитаемая во Фригии и Лидии (области в Малой Азии; Идагора в Троаде, одно из мест ее культа. Центром его был фригийский город Пессинунт и соседняя с ним гора Диндим). В 205 г. до Р.Х., перед концом войны с Ганнибалом, культ ее, по указанию языческих пророческих книг (книги Сивилл), был введен в Риме. К Атталу, царю Пергама, из Рима отправилось посольство с просьбой отдать Риму священный черный метеорит — символ богини. Торжественное прибытие ее в Рим украшено было легендой, которую рассказывает Овидий: корабль со священным камнем завяз в устье Тибра, и множество людей напрасно старалось с помощью канатов сдвинуть его с места; тогда матрона Клавдия, о которой ходили дурные слухи, обратилась к богине с молитвой восстановить ее доброе имя, попросила всех отойти, дернула за канат и судно сразу же тронулось с места.

«Боатья-наездники» — Кастор и Поллукс, сыновья Леды; Поллукс от нее и Юпитера, Кастор от нее и царя Спарты — Тиндара, Кастор, сын смертного отца, погиб в бою; Поллукс, нежно любивший брата, выпросил у Юпитера разрешение находиться им поочередно один день вместе с богами, а другой — в Аиде. Их изображали прекрасными юношами в полном вооружении на белых конях. Легенда рассказывает, что в тот самый день, когда римлянами была одержана победа над Персеем, царем Македонии (168 г. до Р.Х.), в Риме на Форуме, около источника нимфы Ютуоны, увидели двух всадников, смывавших пыль и пот с себя и со своих белых коней. Они же сообщали и о победе.

Игры (под этим именем разумелась театральные представления, конские бега и гладиаторские бои) были одной из форм почитания богов. Если при устройстве их что-то было упущено или произошла какая-то заминка, то игры надо было возобновлять целиком или хотя бы частично. Ливий рассказывает, что утром того дня, когда должны были начаться бега (они происходили в долине между двумя холмами), какой-то хозяин выскел в этой самой долине своего раба. Через несколько дней Юпитер явился во сне плебею Аннию, сказал ему, что танец, предшествовавший играм, ему не понравился и что если игры не будут повторены со всем великолепием, то Риму грозит беда. Пусть сообщит об этом сенату. Бег были вновь устроены.

³ Деций Мус, консул (340 г. до Р.Х.), увидев, что римское войско дрогнуло (шла война с латинами), объявил, что он обрекает себя ради спасения своих легионов в жертву подземным богам, кинулся в середину врагов и был убит. Римляне победили.

Ливий рассказывает (7. 6), что в 362 г. до Р.Х. на римском Форуме образовался огромный провал, который никак не могли засыпать. Оракулом было сказано, что надо отдать то, что составляет мощь Рима. Курций, юноша, прославленный воинскими подвигами, решил, что сила Рима в доблести; верхом на лошади и в полном вооружении он кинулся в пропасть, которая тотчас же закрылась.

⁴ Аллия — приток Тибра в 11 милях к северу от Рима. В 390 г. до Р.Х. галлы нанесли на этой реке страшное поражение римскому войску и овладели Римом. «Зловещее имя» — слова Вергилия (Энеида 7, 717).

Клавдий Пульхр, консул (249 г. до Р.Х.), в Первую Пунническую войну был отправлен во главе флота против карфагенян и в первом же бою потерпел жестокое поражение. В Риме считали, что Клавдий наказан за свое нечестие: когда куры, выпущенные из клетки, отказались клевать корм (см. примеч. 1), он велел бросить их в море со словами: «Не хотят есть, пусть попьют». Его коллега Юний Пулл был вынужден под натиском карфагенян отступить в очень опасное для судов место; разразившаяся буря уничтожила римский флот. Юния тоже обвинили в пренебрежении к ауспциям (гаданиям).

Фламиний был консулом в самом начале войны с Ганнибалом (217 г. до Р.Х.). Плебей, ненавидимый аристократией, стремившейся аннулировать его выборы с помощью ложных ауспций, он не дожидаясь их, отправился к своему войску. В сражении у Тразименского озера он был убит, и Ганнибал нанес тяжкое поражение римскому войску.

Красс (член первого триумvirата: Цезарь, Помпей, Красс) решил начать войну с парфянами, угрожавшими Сирии. Когда он уже собирался сесть на корабль, он услышал предупреждение из уст разносчика фруктов, выкликавшего свои кавнейские фиги (Кави — город в Малой Азии): «Caupcas, caupcas = cave ne eas» — «Смотри, не езд!» В начатой им войне римляне потерпели полное поражение: Красс был убит, а знамена римских легионов захвачены парфянами.

⁵ «Многие понимают гарусники (жрецы, гадающие по внутренностям), многие предвидят авгуры; многое объявлено предсказаниями оракулов, сновидениями, знаменами. Зная их, люди многое сделали на пользу себе и отворотили много опасностей» (Цицерон. О природе богов, 2, 65, 163).

К главе 8

¹ Феодор — философ Киренейской школы (Киренаика — область в северной Африке), названной так по родине своего основателя Аристиппа. Последователи этой школы утверждали, что цель человеческой жизни — наслаждение.

Диогор — с острова Мелоса (Киклады), лирический поэт (V в. до Р.Х.), которого афиняне изгнали как безбожника, потому что он насмеялся над элевсинскими таинствами.

² Греческий софист V в. до Р.Х., родом из малоазийского города Абдер. Долгое время жил в Афинах, откуда был изгнан за первые слова своей книги: «Я не в силах узнать, есть ли боги или их нет». Книга его была публично сожжена.

³ Римские сенаторы носили туники (одежда, соответствующая нашей верхней рубашке) с двумя широкими пурпурными полосами, которые шли параллельно одна другой от шеи до низа туники и на груди, и на спине. Пурпурной полосой была обрамлена тога высших магистратов и жрецов.

К главе 9

¹ В одной из комнат здания, находившегося на Палатинском холме, в непосредственном соседстве с императорским дворцом, и предназначенного для молодых рабов, прислуживавших императору и членам императорского дома (оно было раскопано в 1856 г.), увидели на стене грубо нацарапанную острым предметом надпись и карикатуру, изображавшую человека с ослиной головой, распятого на кресте, имевшем форму буквы «тау» (Т). Слева от него стоит в молитвенной позе человек. Надпись гласит: «Александр почитает своего бога». О сходной карикатуре, нарисованной на стене какого-то дома в Карфагене, рассказывает и Тертуллиан (Апол. 16).

² Обвинение, никем, кроме Минуция Феликса, не приводимое. Может быть, коленопреклонное положение кающегося перед священником получило это злобное истолкование.

³ Греческие апологеты II в. неизменно защищают христиан от обвинения в том, что они едят человеческое мясо. Во время страшного погребения христиан в Лионе (177 г.) впервые было упомянуто убийство детей. У Минуция и Тертуллиана точно определена цель этого мнимого убийства: это убийство ритуальное, необходимое для посвящения в христианство и принятия в христианскую общину.

⁴ Из переписки Траяна с Плинием по поводу христиан (Плиний Младший. Письма, кн. 10, письма 96—97) совершенно ясно, что ни император, ни его легат не верили этим басням и не считали нужным даже вспоминать о них. Не верил им в бытность свою язычниками и судьями, ни Минуций, ни Октавий (срав. 28, 5). Цецилий передает слухи, которым верила только невежественная, злобно настроенная языческая чернь.

К главе 11

¹ О мировом пожаре и конечной гибели мира говорили не одни христиане: и стоики, и эпикурейцы были в этом убеждены.

² Христиане предпочитали не сжигать, а хоронить своих покойников, следуя библейскому изречению: «Ты — земля, и уйдешь в землю».

³ Воскресение мертвых было камнем преткновения для язычников (срав. впечатление афинян от проповеди апостола Павла — Деян. 17, 32).

⁴ Протесилай — один из героев Илиады, погибший под Троей. Вдова его умоляла богов отпустить его на землю хотя бы на три часа. Просьба ее была услышана.

К главе 12

¹ Ход мысли таков: вы мучаетесь всю жизнь, ибо ваш Бог бессилен вам помочь; можете ли ожидать лучшего после смерти?

² «Октавия» относят к первой трети III в.; в это время нет никаких официальных преследований. Минуций имеет в виду восстания языческой черни, набрасывавшейся на христиан и часто подвергавшей их жестокому истязаниям (см. Св. Киприан. Письмо 40). Иногда местные магистраты, искавшие популярности, начинали, в угоду толпе, преследовать христиан.

³ Христиане уклонялись от присутствия на конских бегах и гладиаторских поединках, ибо знали, что зрелища эти устроены в честь богов и составляют часть их культа. Театр, где часто представляемы были сцены безнравственные, они вообще считали «пещью дьявольской» (выражение св. Иоанна Златоуста).

К главе 13

¹ Дельфийский оракул назвал Сократа мудрейшим из людей, потому что, по мнению Сократа, мудрость заключается в том, чтобы не считать, будто знаешь то, что тебе неизвестно; он же, Сократ, знает одно: он ничего не знает.

² Аркесилай (III в. до Р.Х.) и Карнеад (II в. до Р.Х.) — представители так называемой «Новой Академии», философской школы, считавшей, что истина человеку недоступна; суждения его только вероятны.

³ Знаменитый лионский поэт VI—V вв. до Р.Х. От его стихов почти ничего не сохранилось. Умер в Сиракузах в глубокой старости.

⁴ Гиерон — сиракузский тиран (V в. до Р.Х.), ценитель литературы, при дворе которого жили виднейшие поэты того времени (Эсхил, Пиндар, Симонид со своим племянником Вакхилидом).

К главе 14

¹ О Плавте (автор комедий, III в. до Р.Х.) рассказывали, будто он какое-то время работал на мельнице; работа была тяжелой, требовала больших физических сил и никакого умственного усилия. Быть «первым мельником» значило, в устах Цецилия, быть человеком необразованным и вовсе не думающим, «последним из философов». Г. Гетц (*Homo Plautinae prosapine. Rh. Mus., 1879, т. 34, с. 496—498*), считая такое толкование неудовлетворительным, предложил читать вместо *pistorum — christianorum*. Он так объясняет слова «человек из плавтова рода»: «плавтов» — значит «собачий». «Плавтами назывались собаки с длинными висячими ушами», — пишет старинный лексикограф. Блаж. Иероним называет одного монаха, злобно нападавшего на его работы, «столом плавтова рода». Причисляя Октавия к «плавтову роду», Цецилий хочет сказать, что не только он, но вообще все христиане — клеветники и обидчики.

² Минуций вспомнил слова Платона в одном из его диалогов: «Ненависть к людям возникает от слишком большого и неосмотрительного доверия к людям... Неоднократно обманувшись в тех, кого он считал себе самыми близкими друзьями, человек проникается ненавистью ко всем» (Федон 89, С—Е).

К главе 16

¹ Ориген (*Contra Celsum, VII, 46*) считал, что истина постигается двояким путем: простой верой людей, не задающих вопросов и не знающих сомнений, которым нет дела до науки, и они охотно протестуют против науки вообще. Господь милостиво принимает эту веру. Выше ее, однако, вера, приобретенная вторым путем, опирающаяся на разум: она требует основательного знакомства со светскими науками, которые тренируют ум и готовят к углубленному изучению Писания. Минуций отвергает этот умственный аристократизм; светское образование (его имеет он в виду, говоря о «богатстве» и «золоте» и школа риторика, этот античный университет, и слушание лекций у какого-нибудь философа обходились не дешево) вовсе не нужно: истина открывается каждому человеку, «мудрость врождена».

К главе 18

¹ Об этом обычае рассказывает Геродот (3, 84): претенденты на престол съезжались верхом к царскому дворцу; тот, чья лошадь заржала первой при восходе солнца, объявлялся царем.

² Сыновья Фиванского царя Эдина погибли в братоубийственной войне за престол.

³ Близнецы Ромул и Рем; Ромул, первый царь Рима, убил брата.

⁴ Цезаря и Помпея.

⁵ Древние не знали, что «царь пчел» — это пчелиная матка. Открытие это было сделано в XVIII в. Сваммердамом.

К главе 19

¹ Вергилий был родом из города Мантуи. Минуций приводит стихи его из «Энеиды» (6, 724) и «Георгия» (4, 221).

² Фалес (VI в. до Р.Х.) считал первостихией воду, потому, как предполагал Аристотель, что влага необходима для жизни и животных и растений. Этой стихией управляло деятельное начало — душа.

³ Анаксимен (VI в. до Р.Х.) признавал божеством нечто беспредельное, всеобъемлющее, вечно живое и находящееся в вечном движении. Конкретно он определял его как воздух.

⁴ Анаксагор (V в. до Р.Х.) учил, что первичный хаос, состоявший из малых перемешанных между собой частиц, был упорядочен действием разума.

⁵ Пифагор (VI в. до Р.Х.) нашел первопричину не в какой-либо материальной, чувственно воспринимаемой субстанции, а в числе. Число управляет музыкальной гармонией, скульптурными и архитектурными пропорциями, движениями небесных светил. Число превращает вселенную в космос — упорядоченное и гармоничное целое. По свидетельству древних источников, Пифагор верил в единого бога, вечного, неизменного и всем управляющего; считал, что душа заключена в теле, как в тюрьме, в наказание за прежний грех и для подготовки лучшей жизни после смерти; верил в переселение душ: душа, не воспользовавшаяся уроками, полученными при жизни, переселяется в животных.⁶

⁶ Ксенофан (VI до Р.Х.) критиковал антропоморфный политеизм; нападал на Гомера и Гесиода, которые приписывали богам то, что постыдно и предосудительно для людей: воровство, блуд, обман и пр. Он утверждал, что «есть единый бог, не похожий на смертных ни обликом, ни духом».

⁷ Антисфен, ученик Сократа, относился отрицательно к народной религии с ее многобожием и проповедовал монотеизм: 1) бог один; 2) он непохож ни на одно существо; его нельзя узнать ни в каком образе.

⁸ Спевсипп, племянник Платона, после смерти дяди стоял во главе Академии, философской школы, Платоном основанной. (Она получила название по месту около Афин, где в долине реки Кефиса был парк и алтарь героя Академа. Платон здесь вел свои беседы.)

⁹ Демокрит, современник Сократа (V в. до Р.Х.) учил, что в мировом бесконечном пространстве («пустоте», по его определению) в вечном движении находятся атомы, частицы материи, невидимые глазу и вообще недоступные восприятию; они различаются величиной, весом и формой. Находясь в вечном движении и сталкиваясь, атомы, сходные между собой, соединились и образовали наш земной мир и населяющие его существа. Душа мира, божественный элемент, проникающий мир, состоит тоже из атомов огненных, маленьких, круглых и гладких, находящихся в постоянном движении. Впечатления, получаемые человеком от внешнего мира, вызваны или непосредственным соприкосновением с атомами (например, впечатления вкусовые и обонятельные), или образами (сидола), которые тела, находящиеся вне нас, отбрасывают от себя и которые входят в нас через поры. «Образы» богов народной веры «вытекают» из этой Души и воспринимаются нашей душой, состоящей тоже из огненных атомов.

Эпикур принимал почти без перемены атомизм Демокрита: боги его состоят из тончайших атомов, имеют человеческий облик, бессмертны и в судьбе людей и всего мира никакого участия не принимают.

¹⁰ Аристотель, ученик Платона, крупнейший ученый древнего мира (IV в. до Р.Х.). Бог, по его утверждению, не создал материи и движения; они извечны, но он является «Первым Двигателем», к которому устремляется всё. Движение и жизнь есть не что иное, как порыв любви — сознательной и бессознательной — к совершенству, то есть к богу, Чистому Разуму. Аристотель никогда не отождествлял Бога с миром. Минуций повторил ошибку Цицерона, трактату которого «О природе богов» следовал.

Феофраст — самый знаменитый из учеников Аристотеля, ставший после его смерти главой перипатетической школы; отец ботаники, оставивший замечательное «Исследование о растениях». Минуций, следуя Цицерону, вероятно, так же неправильно истолковал учение Феофраста о боге, как и в случае с Аристотелем.

Гераклид — родом из Гераклеи на Понте (IV в. до Р.Х.), ученик Платона и Аристотеля.

¹¹ Зенон (III в. до Р.Х.) — основатель стонической философии; дальнейшими ее представителями были его ученик Клеанф (IV в. до Р.Х.) и ученик Клеанфа — Хрисипп. Стоики (имя это они получили по тому портику, где объяснял и проповедовал свое учение Зенон; по-гречески портик называется «стойей») учили, что мир как бы включает в себя две части, обе состоящие из материи, но одна часть ее пассивна, а другая активна: это Душа, огненный эфир, проникающий всё, но пребывающий главным образом на небе; пассивная часть материи представлена землей и водой. Вселенная, как совершенное живое существо, справедливо может называться богом, но обычно так называют ее Душу, которой дают разные имена: Разум, Природа, Провидение, Судьба, Необходимость, в зависимости от ее проявлений и действий. Боги народной веры олицетворяют деятельность единого бога, по-разному себя обнаруживающую.

¹² Гесиод — греческий поэт VIII в. до Р.Х. Орфей — мифический поэт и пророк.

¹³ Диоген Вавилонский — ученик Хрисиппа (II в. до Р.Х.).

¹⁴ Ксенофонт (V в. до Р.Х.) — ученик Сократа; написал «Воспоминания о Сократе»; слова, приводимые Минуцием, находятся в этом произведении (4, 3, 13—14).

¹⁵ Минуций неоднократно вспоминает Платона:

1. Как трудно найти бога и говорить о нем толпе — Тимей 28С, 29А, 30В.
2. О бессмертии души и переселении душ — Тимей 42В; Федон 81Е; Государство 620D (Октавий 34, 6).
3. О природе демонов — Пир 202Е, 203А, 195Е (Октавий 26, 12—27, 1).
4. О конце мира — Тимей 22С — D, 32С, 41А (Октавий 34, 4).
5. Платон изгоняет поэтов из своего государства — Государство 398А (Октавий 23, 2).

К главе 20

¹ Сцилла — страшное чудовище, подстерегающее моряков у Сицилийского пролива; ее «полурыбье тело яркие псы обвивают кругом» (Лукреций. О природе вещей 5, 892).

Химера — трехсоставное чудовище (спереди лев, посередине коза, сзади дракон), изрыгающее огонь.

Гидра — многоголовое чудовище, жившее в Арголиде (область на восточной стороне нынешней Морен), около города Аргоса. Она опустошала весь край и пожирала стада. Когда ей отрубали голову, то на месте отрубленной вырастало две.

О превращении людей в деревья и цветы, в зверей и птиц существовало множество сказаний.

К главе 21

¹ Эвгемер (конец IV в. до Р.Х.) утверждал, что боги и герои народной религии — только обожествленные люди. Отцы Церкви в борьбе с язычеством охотно обращались к его учению.

² Дикте — гора на Крите, где был воспитан Юпитер.

Дельфы — маленький городок в Фокиде (средняя Греция) с храмом и знаменитым прорицателем Аполлона.

Элевсин — небольшой город в Аттике, недалеко от Афин, центр культа Деметры (Цереры).

Фарос — маленький островок, соединенный молотом с Александрией.

³ Продик — софист, современник Сократа. Минуций приводит его мнение о богах, следуя Цицерону (О природе богов 1, 118).

⁴ Персей — философ-стоик; сначала раб Зенона, а потом его ученик.

⁵ То есть без вина и хлеба.

⁶ Исида — главное божество Египта; ее культ рано появился в Италии, где Исида стала одним из популярнейших божеств; культ ее неоднократно, но безуспешно, запрещался государством, пока, наконец, не был официально признан; в 38 г. по Р.Х. император Калигула велел построить на Марсовом поле (Рим) храм Исиде. Главный праздник ее, о котором рассказывает Минуций, был своеобразным представлением в лицах легенды, лежавшей в основе культа Исиды. Ее супруга, бога Озириса (его отождествили с Сераписом), убил его брат; он разрубил тело на куски и разбросал их во все стороны. Исида ищет эти останки с помощью Киноскефала («Псоглавца»), бога Анубиса, которого изображали с головой пса (вернее, шакала), своих бритых, одетых в льняные одежды жрецов и своих почитателей, которые делают скорбь несчастной супруги. Найденные останки Исида соединяет вместе и воскрешает убитого; скорбь сменяется ликованием.

Римляне и греки отождествляли Исиду с Деметрой и Церерой; она выращивает хлеба, поэтому голову богини украшали колосьями.

Плутарх рассказывает, что Исида во время розысков супруга была превращена в ласточку (Об Озирисе и Исиде 16).

Систр — обязательная принадлежность культа Исиды. Это — трещотка овальной формы с ручкой; в нее вставляли несколько металлических прутиков, на которые навешивали колокольчики.

К главе 22

¹ Передавая легенду в общем правильно, Минуций, однако, ошибся в главном. Исида искала не сына, а мужа и не потерявшегося, а мертвого.

² Церера (греческая Деметра) — мать-земля. Ее дочь, Персефону, которую в Риме именovali Либерой, угравшую вместе с подругами-нимфами среди цветов на лугу в Сицилии, похитил владыка подземного царства — Плутон. Понски похищенной дочери и возвращение ее составляли содержание элевсинских мистерий, хранимое в строгой тайне и известное только посвященным, которым внушалась твердая надежда на счастливую жизнь после смерти.

³ Юпитер (греч. Зевс), рассказывает легенда, был сыном Кибелы и Сатурна, который пожирал своих детей. Чтобы спасти новорожденного Зевса, мать отослала его на Крит; ребенка спрятали в пещере горы Дикте; его вскормила коза, а чтобы младенческого плача не услышал отец, корибанты, жрецы Кибелы, били в кимвалы, звонили в колокольчики, танцевали, ударяя копьями в щиты.

⁴ О Кибеле см. примеч. 2 к гл. 7. По легенде, Кибела влюбилась в красивого пастуха Аттиса, который на эту любовь не ответил. Богиня наслала на него безумие, в припадке которого Аттис оскотил себя.

⁵ Диана Эфесская — малоазийское божество, не имеющее ничего общего с италийской Дианой. Диану смешивали и с Гекатой, богиней луны; в соответствии с тремя лунными фазами ее изображали трехглавой.

⁶ Аммон — египетское божество, бог города Фив; его изображали с головой барана и рогами в завитках. Римляне отождествляли его с Юпитером, главным своим богом. Капитолийским Юпитера называли по его главному и самому древнему храму, находившемуся на Капитолии, одном из семи холмов, на которых расположен Рим. Его изображали с молнией.

На Капитолии находился и храм Юпитера — Феретрия, которого чтили под видом камня.

Юпитер-Латиарий — покровитель латинов. Праздник в его честь справлялся частью на Албанской горе, частью в Риме, где ему приносили в жертву бестиария — гладнатора, сражавшегося со зверями. Об этой человеческой жертве сообщают только христианские писатели, и ученые, занимающиеся изучением римской религии, считают их рассказ выдумкой.

⁷ Эригона, дочь афинянина Икария, которого Дионис научил разведению винограда и приговоренному вину. Икарый угостил им своих пастухов; товарищи их, думая, что они отравлены, убили Икария. Эригона в отчаянии повесилась над могилой отца; Дионис, полюбивший ее, поместил среди звезд и дочь и отца: дочь под именем Девы, а Икария под именем Волопаса.

О братьях-наездниках Касторе и Поллуксе см. прим. 2 к гл. 7.

Эскулап (он же Асклепий) — сын Аполлона, бог, покровитель медицины и сам врач и целитель. Юпитер, боясь, что люди, спасаясь от смерти, перестанут чтить богов, поразил его молнией и взял на небо как бога.

Геркулес (Геракл у греков) — знаменитейший герой древности, труженик и благодетель человечества. Знамениты были его 12 подвигов, очистивших землю от страш-

ных чудовищ, губивших людей и мешавших им жить. Страдая от яда, пропитавшего плащ, присланный его женой, он возлег на костер, который приказал сложить себе на горé Эте (гора на юге Фессалии). Юпитер вознес его на небо к богам.

К главе 23

¹ См. прим. 15 к гл. 19.

² Венеру ранил в руку под Троей греческий герой Диомед (Илиада 5, 336). В этой же, пятой песне Илиады рассказывается, как боги, наравне с людьми, принимают участие в сражении: одни на стороне греков, другие на стороне троян. Марс ранен стрелой того же Диомеда (5, 855). Гомер намекает на какой-то миф, в котором Марс представлен был связанным.

Гера, Посидон и Паллада хотели однажды наложить цепи на Зевса. Мать Ахилла, морская нимфа Фетидя, бросилась за помощью к сторукому великану Бриарею, который и встал на защиту Зевса (Илиада. 1, 396—406).

Сарпедон — сын Зевса, погибший под Троей. Отец оплакал его кровавой росой (Илиада 16, 459—461).

Венерин пояс внушал любовные желания. Супруга Зевса — Гера (Юнона у римлян) попросила у Венеры этот пояс, чтобы отвлечь внимание Зевса от поля боя.

³ У Авгия, царя Элиды (область в южной Греции) было стадо в три тысячи коров. Из хлебов в течение 30 лет не убирали навоз. Геркулес избавил округу от невыносимой вони, повернув течение реки Алфея так, что водяной поток устремился в хлебы и унес с собой весь навоз.

Аполлон в гневе за убийство своего сына Аскления (см. прим. 7 к гл. 22) перебил циклопов, выковавших молнию, которой Асклэпий был убит. Зевс в наказание заставил его пасти стада фессалийского цая Адмета.

Лаомедонт — древний царь Трои, отец Приама, с которым мы встречаемся в Илиаде. Посидон (Нептуи) и Аполлон оскорбили Зевса (Юпитера) и были в наказание посланы служить Лаомедонту; Посидон возвел стены Трои, Аполлон пас царские стада (Илиада 7, 452 и 21, 441). Когда они кончили свою работу, Лаомедонт отказался им заплатить и прогнал их.

⁴ Молнии для Юпитера ковали циклопы, кузнецы бога Вулкана; они же изготовили оружие для Энея, героя Вергилиевой «Энеиды».

⁵ Об этом приключении см. Одиссея, 8, 266.

⁶ Ганимед — сын фригийского царя, юноша, превосходивший красотой всех смертных. Он был восхйщен на небо, чтобы служить вичочерпием Зевсу.

⁷ Корнелий Непот — римский историк I в. до Р.Х. Написал «Хронику» (утеряна), где повествовал о главных событиях римской истории и истории других государств, а также ряд биографий знаменитых людей; сохранились только некоторые из них.

Кассий Гемина — один из древнейших историков Рима (II в. до Р.Х.).

Талл — отпущенник императора Тиберия, написавший «Хронику мировой истории».

Диодор — греческий историк (I в. до Р.Х.). Его «Историческая библиотека» — свод событий из истории греков, римлян и варварских народов, начиная с времен сказочных и до времени автора.

⁸ Сатурн был отцом Юпитера (см. прим. 3 к гл. 22); сын, став взрослым, выгнал отца и воцарился на Крите. Изгнанный Сатурн нашел прибежище в Италии у царя Януса, гостеприимно его принявшего; в благодарность он ознакомил его народ с начатками культуры. Страну, его принявшую, он назвал Лацием (Минуций производит это слово от глагола *latere* — «скрываться», «прятаться»), так как спрятался в ней от преследований сына. Капитолийский холм, по словам Варрона, ученого I в. до Р.Х., первоначально назывался Сатурновым холмом, и на нем находился город Сатурния. Яникул — один из холмов Рима.

К главе 24

¹ Прокул — римский сенатор; после смерти Ромула, первого царя Рима, поклялся народу, что Ромул явился ему и велел объявить, что теперь его надо чтить под именем Квирина, как бога.

² Юба — царь Мавритании (Марокко) в I в. до Р.Х.

³ Римских императоров после смерти причисляли к богам, объявляли их «божественным». Мавританцы объявили богом своего царя Юбу.

⁴ На котором, например, повесился человек.

⁵ Тертуллиан (Апол. 12) сравнивает мучения исповедников с «мучениями», которым подвергают различный материал, употребляемый для изготовления статуй: бока мучеников стругают так же, как стругают дерево или обрубают мрамор; статуи стоят без головы — и христианам отрубают головы. Минуций опустил эту аналогию, и «мучения» статуй, ради нее нужные Тертуллиану, утратили у Минуция всякий смысл. Каждому здравомыслящему человеку было ясно, что сделать статую из дерева, мрамора или бронзы можно, только подвергнув этот материал соответственной обработке, — одинаковой, создавал ли мастер статую Траяна, или Аполлона — и ничем не позорившей ни императора, ни бога.

Обвинение в идолопоклонстве возведено было христианами на язычников напрасно; язычник молился не Фидисвой статуе Зевса, а тому, кого изображала эта статуя.

У Эсхила в «Эвменидах» Орест, спасаясь от преследующих его Эриний, сидит на Акрополе, обнимая руками кумир Афины-Паллады, и к нему спускается с небес сама богиня. Не ясно ли, что кумир только изображение божества, но не божество.

Какое значение имеют эти изображения из дерева, камня или металла? Вопрос этот задавали давно: уже Гераклит (Диалог. Досократики, 5) говорил, что молиться этим изображениям то же, что разговаривать со зданиями. Зенон, основатель стоической философии, считал, что не надо ни строить храмов, ни делать кумиров; стоик Варрон хвалит римлян, которые почти 200 лет не имели идолов. Блаж. Августин сохранил отрывок из утеряннго произведения Сенеки («De superstitione»): «ставят изображения богов, святых и бессмертных, сделанные из самого негодного материала, придают богам облик людей и животных (Aug. De C. Dei 6, 10). Лукриан издевается, говоря, что боги, отлитые из золота, выше сделанных из другого материала. Кстати, вспомнили и рассказ Геродота (II, 172) о ванне для ног, переплавленной в статую бога. Язычники возражали, что они молятся не кумиру, а тому, кого он изображает; так как боги незримы, то тем более нужны их изображения: они напоминают о них, как портрет отсутствующего друга напоминает о нем.

⁶ На северо-западном склоне Палатинского холма находился грот, считавшийся обиталищем бога пастухов Фавна. Жрецы этого бога — луперки, справлявшие праздник в его честь (он падал на 15 февраля), обходили Палатин кругом в одних передниках из козьих шкур.

Жрецы бога войны — салии в полном воинском вооружении проходили по улицам Рима со священными, особой формы щитами, в которые они ударяли копьями; в определенных местах они останавливались и исполняли военный танец, все движения которого были строго определены. Минуций ошибается, говоря о войлочных колпаках: головной убор салиев походил на металлические шишаки; никаких барабанов у них не было.

⁷ Изображение Беллоны возили по улицам, собирая милостыню, ее нищенствующие жрецы.

⁸ Минуций имеет в виду богиню Коман Ма. Воинственный характер этой богини дал повод отождествить ее с италийской Беллоной. Культ ее был введен в Риме в I в. до Р. X. Жрецы богини ходили по улицам в черных одеждах с развевающимися волосами; под звуки барабана и труб они начинали неистово кружиться и, придя в иступление, ударяли себя топорами по рукам и по телу, обрызгивали кровью статую богини и ее почитателей, или ее. В пророческом бреду предсказывали будущее.

⁹ Минуций говорит о культе Кибелы, имевшем такой же оргиастический характер. Ее жрецы (их называли галлами) и поклонники, кружась в стремительно несущемся танце под заунывную и дикую музыку флейт, уже не помня себя, начинали наносить себе раны; некоторые в пароксизме безумия оскопляли себя.

К главе 25

¹ Ромул, по легенде, объявил долину между вершинами Капитолийского холма «убежищем», то есть местом, где всякий пришедший становился неприкосновенным. «Право убежища» было распространено им и на весь город.

² Рим заселялся, но женщины в нем не было. Тогда Ромул пригласил поглядеть на бега соседней-сабинов с их женами. Во время пира вооруженные римляне прогнали своих безоружных гостей и овладели женщинами, которые пришли с ними. Оскорбленные соседи двинулись на похитителей войной, но женщины, уже успевшие привыкнуть к своим новым мужьям, бросились между двумя войсками и предупредили кровопролитие.

³ О Ромуле см. прим. 1 к гл. 24. Тиберин — бог реки Тибра. Конс — древнее земледельческое божество, охранявшее убранный и ссыпанный в амбар хлеб. Пилумн — божество, действующее в песте, которым обталкивали зерно. Волуми — благодетельное божество, дающее силу добрым желаниям. Тацций — царь племени сабинов. Когда сабины и римляне заключили союз, он был соправителем Рима. Ужас и Бледность — *Pavor et Pallor* — проявления божественной силы, обращающей в бегство врагов. Им молились, прося их посетить вражеский стан. Гостилий — третий царь Рима. Лихорадка была частой и страшной гостьей Рима. Божественную силу, проявляющуюся в этой болезни, умилостивляли жертвами, которые приносили в ее святилище.

⁴ По древней легенде Акка Ларенция была женой пастуха Фавстула, нашедшего двух выброшенных малюток — Ромула и Рэма. В блудницу ее превратили неизвестные авторы веселых театральных сценок, очень любимых в южной Италии. Флора — древняя италийская богиня плодородия; праздник ее, справлявшийся в конце апреля, сопровождался вольными играми и танцами.

⁵ О весталках см. прим. 3 к гл. 6.

⁶ Римский всадник в маске Анубиса изнасиловал в храме Исиды знатную матрону.

⁷ Понтифики — жрецы. Арвальские братья — религиозное братство из 12 человек, возникшее в глубокой древности. О салиях см. прим. 6 к гл. 24. Об авгурах см. прим. 1 к гл. 7.

К главе 26

¹ См. прим. 4 к гл. 7.

² Регул (III в. до Р. X.) потерпел поражение в битве с карфагенянами и был взят в плен. Карфагеняне отправили в Рим посольство с просьбой о мире. Регулу разре-

шли пойти с ним, но с условием: если предложение мира будет отвергнуто, он вернется в Карфаген. Регул настойчиво советовал отказать в мире, отправился обратно в Карфаген и был умучен до смерти.

Манцина (консул в 137 г. до Р.Х.) разбили под городом Нумантией (Испания), и он заключил с нумантийцами позорный мир. Сенат отказался его утвердить и отослал Манцину к нумантийцам. «Под ярмо» (оно носило форму буквы «П»: в землю втыкали два дротика, соединяя их третьим) посылали потерпевшую поражение армию: солдаты, полуголые, шлан согнувшись, осыпаемые насмешками победителей. «Посылать под ярмо» значило не только предельно унижить врага: его обрекали в жертву подземным силам.

Павел Эмилий — консул, командовавший римским войском. В битве при Каннах в 216 г. Ганнибал нанес ему страшное поражение; Эмилий был убит.

³ Амфиарий — царь Аргоса. Не желая принимать участия в войне двух братьев, сыновей Эдипа (см. прим. 2 к гл. 18), он прятался, но жена его, соблазненная ожерельем, указала, где он скрывается.

Тирезий — знаменитый фиванский предсказатель; был слеп.

⁴ Пирр, царь Эпира (III в. до Р.Х.), воевал с Римом; одерживал крупные победы, но был в конце концов побежден. Минуций ошибается, говоря, что Аполлон во времена Пирра уже не сочинял стихов; имеются предсказания в стихах от времени и более позднего.

⁵ Демосфен — знаменитый греческий оратор (IV в. до Р.Х.), враг Филиппа, царя Македонии.

⁶ Минуций передал слова Сократа не совсем точно. Сократ говорил, что он слушается божественного существа (θεῖον), который «всякий раз отклоняет меня от того, что я намерен сделать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет» (Платон. Апология Сократа 31D).

⁷ Маги — жрецы у персов, занимавшиеся предсказаниями и магией. Самый знаменитый из них — Гостан, по словам Плиния Старшего (Н. п. 30, 8), сопровождал Ксеркса в его походе против греков. Апулей в своем сочинении о магии называет его самым знаменитым из магов.

К главе 27

¹ Демоны, которых имеет в виду Минуций, — это не демоны древнегреческой религии и философских спекуляций (Платон). Теперь (II—III вв. по Р.Х.) это страшная злая сила, властно распоряжающаяся людьми. Земля превратилась в их вотчину; в их ведении находится вся сакральная жизнь язычества, они насылают болезни; неистовство жрецов и поклонников Кибелы и Ма внушено ими. Параграф 3-й содержит точное описание того, что происходит на празднествах в честь последней. «Демоны получили в полную свою власть землю и все земные дела; они производят всяческое смятение и беспорядок, тревожат города и народы» (Corpus Hermeticum, XVI, 14); они вызывают бури, ураганы, грозы, землетрясения, войны, голод. К каждому человеку приставлен особый демон, который стремится переделать его на свой лад. Человек своей силой с ним справиться не может, но на помощь пришел христианство. Христиане знали, что Сын Божий пришел в мир, чтобы уничтожить царство сатаны. И земля освобождается из-под его власти; демоны вынуждены признать свое бессилие перед христианской молитвой. Тертуллиан считал доказательством истинности христианства древность Священного Писания и признание его демонскими силами (Apol. 46). В каждой более или менее крупной христианской общине есть экзорцист — «заклинатель», изгоняющий из больного злого духа, им овладевшего. Первоначально это были люди, наделенные особенными духовными дарами; позже заклинателей считали, наравне с чтецами и иподиаконами, церковными служителями, стоящими на низших ступенях церковной иерархии.

К главе 28

¹ См. прим. 4 к гл. 9.

² Эпона — галльская богиня, покровительница лошадей, мулов и ослов. На одной фреске она изображена в виде молодой красивой женщины с вязанкой травы на коленях. По двое с каждой стороны ее стоят четыре ослика; они едят траву, а богиня их гладит. Ее иногда изображают верхом на осле или на лошади; это, вероятно, и дало повод Минуцию сказать: «почитаете осла вместе с Эпоной».

³ Плутарх (Об Исиде и Озирисе 30) рассказывает, что у египтян был праздник, когда они приносили в дар Исиде лепешки, испеченные в виде осла.

⁴ Полукозлом-получеловеком был греческий Пан; египтяне почитали как богов крокодила, быка, барана, кошку, шакала, льва, скарабея, ибиса. Преднамеренное убийство таких животных каралось смертью, нечаянное — штрафом. Бога Анубиса изображали с головой пса, вернее, шакала; Гора — с головой копчика; Исиду — с головой коровы. Апис — бык, которого считали богом.

⁵ Лук почитали растением священным; в некоторые праздники его носили на шее.

К главе 29

¹ О почитании в Египте человека как бога говорят только поздние писатели: Порфирий, ученик Плотина (III в. по Р.Х.), Евсевий, автор «Церковной истории», св. Климент.

² Минуций имеет в виду культ обожествляемых императоров. Гений — божественное существо, обитающее в каждом человеке. Ложно проклясться гением императора считалось преступлением тяжким.

³ Трофеями назывались доспехи, снятые с убитых врагов. Их вешали на сооружении, имевшем форму креста (столб с поперечной перекладиной).

К главе 30

¹ Отец имел право выбросить родившегося ребенка; выбрасывали уродов, потому что рождение их считалось зловещим знамением; выбрасывали бодезненных и хилых; в случае бедности и многочисленности выбрасывали и здоровых. Только при императоре Александре Севере выбрасывание детей было объявлено преступлением, которое приравнивалось к убийству.

² Это не Сатурн италийцев, а финикийское божество Ваал, которому приносили в жертву детей.

³ Понтийские тавры — племя, жившее в нынешнем Крыму. Чужестранцев, прибывших после кораблекрушения к их берегам, они приносили в жертву Диане.

Бусирид — легендарный царь Египта — принесил в жертву Зевсу всех иностранцев, попадавших в Египет.

О человеческих жертвоприношениях у галлов рассказывает в своей «Галльской войне» Цезарь. Они были запрещены императором Клавдием.

Римляне отождествляли с Меркурием национального бога галлов Тевтата. В 216 г. в начале войны с Ганнибалом, по велению Сивиллинных книг, «совершены необычные жертвоприношения: галла и его соплеменницу, грека и гречанку живыми закопали в землю на Коровьем Рынке...» (Ливий 22, 57—6). Римская религия человеческих жертвоприношений не знала, для Ливия они были «необычны».

⁴ Римский историк Саллюстий, рассказывая о заговоре Катилины, пишет, что он обнес всех сотоварищей своих чашей, в которой вино было смешано с кровью, и только потом раскрыл им цель заговора — завладеть Римом и взять власть в свои руки.

⁵ О Беллоне см. прим. 8 к гл. 24.

⁶ Падучую болезнь лечили, давая пить кровь только что убитого гладнатора.

⁷ Об этой торговле мясом животных, убитых на арене, мы никаких подробностей не знаем. О ней сообщают только Минуций и Тертуллиан.

⁸ Запрет, идущий от Моисея.

К главе 31

¹ Фронтон — уроженец африканского города Цирты, знаменитый оратор и писатель II в. по Р. X., учитель императора Марка Аврелия. Речь его, где он нападал на христиан, не сохранилась; неизвестно, где и по какому поводу она была произнесена.

² У афинян разрешали брак с сестрой единокровной (от одного отца).

Самая знаменитая из таких трагедий «Эдип — царь» Софокла, герой которой, царь Эдип, женился, хотя не ведая, на родной матери.

³ Зевс, например, женат на Гере, своей сестре.

⁴ См. прим. 3 к гл. 8. Христианство очень рано стало приобретать адептов из римской аристократии.

К главе 32

¹ Христиане собирались для общей молитвы и совершения таинств или в частных домах, или в скромных часовнях, выстроенных на кладбищах, которые были молитвенным местом по преимуществу.

К главе 33

¹ Имеется в виду переход через Черное море, о котором рассказано в Библии.

² Иосиф Флавий (I в. по Р. X.) — еврейский историк. Его работы: «Иудейская война» (описание войны с римлянами и взятия Иерусалима) и «Иудейские древности» (история евреев от сотворения мира до второй половины I в. по Р. X.). Антоний Юлиан — латинский историк.

К главе 34

¹ Мысль эта была высказана Аристовулом, евреем из Александрии; апологеты ее подхватили, Тертуллиан в том числе. Судя по гл. 20, Минуций был убежден в независимости греческих философов, так как поддержка ими христианства имела смысл только при такой самостоятельности.

² Веселые бытовые сценки, часто по содержанию непристойные.

К главе 35

¹ Стикс — главная река Аида, семь раз обтекающая вокруг него. В нем течет не вода, а пылающая смола. Вергилий называет Стикс тоже «болотом» по причине еле заметного течения его смолы. Клятва Стиксом страшная и торжественная.

К главе 37

¹ Муций Сцевола, по легенде, проник в лагерь этрусков, осадивших Рим, чтобы убить их царя Порсенну. По ошибке он убил не его, а его слугу. Царь велел сжечь его живым; Муций, чтобы показать свое равнодушие к смерти и пытке, положил правую руку в огонь, пылавший в алтаре. Пораженный Порсенна отпустил его.

² Аквиллий — римский военачальник. Был разбит Митридатом, царем Понтийским, который подверг его лютой казни: велел влить в горло расплавленное золото. О Регуле см. прим. 2 к гл. 26.

К главе 38

¹ По словам Цицерона, так назвал Сократа один философ-эпикуреец.

² Из слов Минуция (31, 6) можно заключить о публичных выступлениях христиан, защищавших свою веру. О таких же публичных диспутах говорил и св. Иустин. Противниками выступали «философы», то есть проповедники и популяризаторы обычно стоической нравственности. Их собственная жизнь и нравы очень часто шли в разрез с этой проповедью (См. портрет Крескента у св. Иустина.) Об этих философах и говорит здесь Минуций.

О Минуции Феликсе — авторе «Октавия»

Мы знаем о нем очень мало — обрывки воспоминаний, скупо оброненные в «Октавии» и скудно дополненные Лактанцием и блаж. Иеронимом. Африканец родом, получивший образование в Карфагене и бывший там судьей, он на котором-то году жизни переехал в Рим, где приобрел славу хорошего адвоката. Время жизни его сейчас почти единогласно относят к первой половине III в. Кроме «Октавия», Минуций ничего не оставил, и это сочинение его (оно сохранилось в единственной рукописи IX в.) долгое время считали восьмой книгой *Disputationes adversus gentes* Арнобия (спутали имя *Octavius* со словом *ostavus* — восьмой). Только в 1560 г. французский юрист Франсуа Бодуэн установил, кто настоящий автор «Октавия». Диалог этот — спор о вере: горячий язычник Цецилий защищает язычество и нападает на христианство; защитником последнего выступает друг Минуция — Октавий, именем которого и назван диалог.

Оценка диалога была разной. Гальм, издавший его в *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum* (CSEL) (Вена, 1867) и положивший основание для работы над текстом, назвал его «Золотой книжечкой»; Ренан — «перлом апологетической литературы» (E. Renan. *Marc Aurèle et la fin du monde antique*. Paris, 1882, с. 389). Бюасье в своей книге «Конец язычества» (G. Boissier. *La fin du paganisme*. Paris, 1903, т. I, с. 261—289), посвятил Минуцию прочувствованную и хвалебную главу. Но уже Монсо, признанный знаток африканской христианской литературы, гораздо сдержаннее: в «Октавии» нет ничего самостоятельного, искусство автора заключается в умелом комбинировании мыслей, надерганных из разных авторов — Цицерона, Сенеки, Тертуллиана преимущественно; его произведение — это «мозаика из чужих мыслей, сцен и подробностей» (P. Monceaux. *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne*. Paris, 1901, т. I, с. 490). Шведский ученый Аксельсон накинудся на Минуция с пылом, достойным потомка берсерков, и объявил Минуция глупцом, неспособным ни к самостоятельной мысли, ни к самостоятельному слову (B. Axelsson. *Das Prioritätsproblem Tertullian* — M. Felix, Lund, 1941 passim). Автора можно упрекнуть не только в легкомысленной поспешности суждений, но и в научной недобросовестности: в руках его была диссертация Бейтлера (R. Beutler. *Philosophie und Apologie bei M. Felix Weida in Thüringen*, 1936), от которой не следовало отмахиваться пренебрежительным примечанием (Аксельсон, указ. соч., с. 59, прим. 25). Бейтлер, молодой докторант Кенигсбергского университета, начисто стер с Минуция неместные эпитеты, которыми его щедро одарило наше столетие: вместо «плагиатора» и «мозаичиста» появился писатель с широким философским охватом, смелый и самостоятельный мыслитель. Замечательная статья Ж. Прео (G. I. Préaux. *A propos du "de fato" (?) de Minucius Felix. "Latomus"*, 1950, т. IX, вып. 4, с. 394—413), еще углубила положения Бейтлера. Работа К. Бекера (C. Becker. *Der "Octavius" des M. Felix*. München, 1967) показала, с каким искусством Минуций использует и переделывает свои источники в нужных ему целях.

И хотя, как мы говорили, сведений о Минуции сохранилось мало, о писателе рассказывает само его сочинение: со страниц «Октавия» на нас глядит автор. Был он человеком с добрым, «солнечным» глазом, радовался тому, чем одарила его жизнь: и обретенной правой верой, и природе, и дружбе. Он умел быть «другом другу»: дружба его не знала износу и торжествовала над смертью. Он живо ощущал связь с природой, искал у нее утешения (34, 11—12) и чувствовал всю прелесть ее благодушных даров. Перед началом спора о вере он поместил в «Октавии» описание утренней прогулки по морскому побережью и сумел рассказать о ней так просто, без всяких риторических фиоритур, что кажется, будто вместе с ним дышишь свежестью осеннего утра и слушаешь плеск набегающих волн. Он сумел передать настроение счастливого и глубокого покоя, которым была овеяна эта прогулка. Страницы эти — единственные во всей римской литературе, параллели к ним не найдется. Душа его была открыта не только природе: он умилялся детским лепетом и восхищался героизмом исповедников. Выросший на античной культуре, знакомый с греческой философией, был он широк и свободен в своих взглядах, но их никому не навязывал. Он был чрезвычайно чуток к высокому и доброму. Христианство привлекло его своей нравственной высотой, и он вычертил высокий идеал христианской жизни. Тихий и мирный по натуре своей, он ненавидел споры и разногласия и потому, зная нрав Цецилия, не торопился обращать юношу в христианство.

Цецилий и апология язычества

Цецилий — молодой человек (он моложе и Октавия и Минуция, которому в диалоге дана роль мирового судьи), родом африканец, как и его собеседники. Он живет в Риме у Минуция, знакомая, по-видимому, по старому римскому обычаю, под его руководством с судебной практикой. Будущий адвокат, он занимается не только правом, а по завету Цицерона — историей и философией. Апологию язычества он и начинает с изложения того, что вынес из своих философских занятий: пусть вначале природа собрав семена всего, самопроизвольно оплодотворила их — где тут Бог-Творец? Пусть мир образовался из случайного соединения своих частей — где Бог-Устроитель?.. Человек и всякое животное представляют собой произвольное сочетание элементов, на которые они распадаются. «Все течет обратно и, совершив круговорот, возвращается к тому же источнику: нет ни мастера, ни судьи, ни создателя». Божественного Промысла нет: молния поражает без разбора и преступников и хороших людей; судьба злых и добрых при кораблекрушении одинакова; негодяям живется лучше, чем порядочным

людям. Был бы Промысл, Фаларид и Дионисий не царствовали бы и Сократу не пришлось бы пить цикуту. «Вот деревья, покрытые плодами, вот уже побелевшая жатва, вот налившийся полным соком виноград — их портит ливень, бьет град». По ограниченности своего ума (*humana mediocritas*) человек не постигает законов природы и знает только, что зависит от произвола капризной Судьбы. А раз так, то «не благочестивее ли и не лучше принимать завещанную религию» — вывод отнюдь не логичный, но для Цицилия естественный: философия завела его в ледяную пустыню, и, спасаясь от нее, он кинулся в уют родной религии. Ему не хочется думать: «О богах не надо размышлять, надо верить предкам» (6, 1); не надо вообще никакой деятельной, исследующей и вопрошающей мысли: «Нам не дано знать, не дозволено исследовать и не благочестиво строить предположения» ни о том, что над нами, на небе, ни о том, что скрыто в земных глубинах (5, 5). «Взбираться на небо и звезды — это нездоровый и глупый труд (*Insanus atque ineptus labor* 5, 6). И христианами он возмущается потому, что они думают о Боге и тайных судьбах мира.

Цицилия обычно сравнивают с Коттой, участником беседы в трактате Цицерона «*De natura deorum*». Трудно найти людей менее сходных. Для Котты религия предков — государственное учреждение Римской республики, и он, *pontifex maximus* — слуга этого государства, «всегда будет защищать и всегда защищал эту религию» (*De natura deorum* III, 2, 5). Для Цицилия — это тихий загон, куда он укрывается от «просторов холода», которые распахнула перед ним философия. Это — романтик, которому трудно дышать воздухом текущего дня, и он погружается в золотой мир невозвратного прошлого, когда люди были так благочестивы, а боги так отзывчивы, когда верили твердо и просто и не нуждались ни в какой философии. А ее уроки не проходят даром: Цицилий признается, что «мы верим, слышим и узнаём богов во сне (*per quietem*), а наяву отвергаем их и не желаем знать» (7, 16); он «порой (*interim*) предпочитает заблуждаться с предками» (7, 1). Он, человек с двоящимися мыслями, мечется между философией, утверждающей, что «нет в творении Творца», и теплой верой в «маленьких богов», добрых покровителей родного угла; слишком слабый, чтобы жить в холоде бесстрастной мысли, слишком много думавший, чтобы бездумно верить. С мастерством большого художника, не обронив ни одного лишнего слова, не жалея и не осуждая, Минуций изобразил трагедию своих современников, ту их душевную смуту, которая метала их по разным религиям Востока и бросила, наконец, в христианство.

Цицилий защищает веру отцов, не подозревая, что его защита оборачивается страшным обвинительным актом: перед нами религия, отжившая свой век, религия отчаяния и бессилия: она боится мысли, опирается на традицию и страх, утешает воспоминаниями — но не помогает жить. Минуций обнажил сущность язычества, такой, какой она представлялась его культурному современнику.

ОТВЕТ ОКТАВИЯ

Прежде всего он заявил, что нельзя бояться мысли; именно разумом (*adgnosimus*; не сознательно ли здесь тот же глагол, который употребляет Цицилий, говоря о познании Бога во сне — 17, 2; 7, 6), через познание мира узнаём мы Бога — от творения к Творцу. («Посмотри на небо...», «обрати внимание на море...», «взгляни на океан», на земную поверхность, на устроителя человека, на растения и животных. Цицилий утверждал, что нам запрещено исследовать небесные явления и земные глубины (5, 5). Октавий требует широкого ознакомления с миром, ознакомления вдумчивого, ищущего основной принципа, которому подчинено мироздание.) Он прошел хорошую стоическую школу и аргументами, у нее занимававшимися, доказывает существование Бога: мир — космос, упорядоченный и прекрасный, подчиненный неизблемым законам, мог бы создан только мудрым Творцом, и о Нем он и свидетельствует. В эту величавую ораторию вдруг врывается сияющая светом и теплом мелодия о Боге Отце, окутавшем Своей любовью всё и всех до незаметного маленького ежа (17—18, 1—4), и о человеке, всё существо свое переплавившем в единое устремление: быть с Ним, познать Его, подражать Ему (17, 2). Октавий — один из тех людей, которых языческая философия подвела к христианству, а личный опыт сделал христианами. Это — христианская не очень многочисленная элита.

Октавий вдвинул христианство в историю человеческой мысли, связав его с греческой философией, которая, в лице своих представителей, подтверждает, поддерживает христианство: «или сейчас философы мы, христиане, или философы уже тогда были христианами» (20, 1).

Христианство представлено Октавием как религия света и свободы. Человек живет в «космосе», то есть в мире, устроенном и упорядоченном мудростью и любовью Творца. Он верит в Него, потому что этого требуют его разум и сердце, а не вековая традиция, которой ему велено повиноваться. Язычник говорил о страхе перед богами, христианин говорит о любви к своему Создателю и Отцу; язычник уверен в человеческой скудности и ограниченности, христианин настаивает на достоинстве человека, который уразумел законы мироздания и поставил целью уподобиться Творцу.

«Октавий» отчетливо делится на две части (не считая речи Цицилия): первая (16—20) рисует христианскую элиту, вторая (21 до конца) дает яркую картину среднего многочисленного слоя (не самых низов) христианского общества. Изучение этого слоя — уже новая задача, требующая новой работы.